

Луи Анри Буссенар

Под Южным крестом

Приключения парижанина

Луи Буссенар

Под Южным крестом

«Public Domain»

1883

Буссенар Л. А.

Под Южным крестом / Л. А. Буссенар — «Public Domain»,
1883 — (Приключения парижанина)

В романе «Под Южным Крестом» события разворачиваются в далекой, загадочной Австралии, где любимые герои писателя знакомятся с жизнью аборигенов-папуасов.

Содержание

Часть 1. Коралловое море	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	23
Глава V	27
Глава VI	34
Глава VII	40
Глава VIII	47
Глава IX	54
Глава X	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Луи Буссенар

Под Южным Крестом

* * *

Часть 1. Коралловое море

Глава I

Пролог. – Парижанин Фрикэ и его друг Пьер де Галь. – Монте-Карло на крайнем Востоке. – Выставка сокровищ. – Макао. – Игроки всех цветов, одинаково обкрадываемые. – Шестидесятилетний шулер. – Торговцы людьми. – То, что называется «Баракон». – Корабль «Лао-Дзы». – Ложный путь. – Французы в западне.

– Итак, вы отказываетесь уплатить долг?

– Нет, синьор, нет. Примите мои извинения. Я не отказываюсь, я только не при деньгах сегодня. Но вы знаете, что здесь, как и на вашей славной родине, карточный долг – священный долг.

– Гм... Священный долг. Смотря с кем имеешь дело.

– Я вам даю слово Бартоломео ди Монте... Никто здесь не сомневается в слове Бартоломео ди Монте.

– В слове торговца людьми.

– Ваша милость хочет сказать – агента эмиграции.

– Моя милость хочет сказать то, что говорит. А если мои слова вас оскорбляют, это не мое дело. Я окончательно потерял терпение за две недели пребывания в вашем вертепе.

– Однако, синьор...

– Молчать, черт возьми! Вы плут и больше ничего. Я прекрасно видел, как вы передали кучку пиастров вашему сообщнику, поспешившему дать тягу.

– Как плут? Вы сказали, что я плут?!

– Да, плут. Выигрыш меня не волнует. Я не игрок, но не желаю, чтобы какая-нибудь шоколадная кукла надувала меня и смеялась надо мной.

– Я охотно простил бы, принимая во внимание вашу молодость, определение, брошенное на ветер, но последние слова, в которых я вижу оскорбление моей национальной гордости, заставляют меня требовать удовлетворения. Завтра, синьор, на рассвете, вы узнаете, что такое гнев Бартоломео ди Монте...

Смех первого собеседника перебил эту речь, произнесенную на французско-испанско-португальском языке.

– Да, но если я соглашусь на эту дуэль, то явлюсь не иначе, как с толстой бамбуковой палкой. Ах, какая у вас грозная шпага! Не этим ли оружием вы думаете рассечь нить моей жизни? Ха-ха-ха!

– Это шпага великого Камозэнса.

– Как, еще одна?.. Ведь мне уже предлагали продать с полдюжины шпаг великого Камозэнса. Впрочем, у нас во Франции у каждого антиквара найдется палка Вольтера.

Этой насмешки знаменитый Бартоломео ди Монте не мог снести: он повернулся и, гремя своей чудовищной саблей, вышел на веранду.

Француз остался один. Это был молодой человек, почти юноша. Его маленькие усики с особенным старанием были закручены кверху. Одет он был в синюю матросскую куртку, ноги его утопали в широчайших фланелевых панталонах, а клеенчатое американское кепи лихо сидело на макушке, придавая французу вид боевого петушка. Открытый ворот рубашки показывал бронзовую от загара и необыкновенно сильную грудь.

Этот молодец, весивший не более полутора ста фунтов, должен был быть страшно силен.

Он еще улыбался, вспоминая стычку с желтым Бартоломео, когда тяжелая рука, с размаху опущенная на его плечо, и грубый голос за спиной заставили его вздрогнуть.

– А, это ты, мой старый Пьер?

– Я самый, мой мальчик.

– Каким образом ты отыскал меня здесь?

– Так же просто, как выпиваю свой вечерний грог. Когда ты сошел на берег, я рассудил, что бродить одному в этом гнезде португальских пиратов не совсем удобно, и, чтоб избавить тебя от неприятного abordaja, взял твой курс. Пробродив немного в этих переулках, грязных, как палуба угольного брига, я наконец нашел тебя, моего дорогого Фрикэ, и клянусь тысячью штормов, не оставлю теперь ни на минуту.

– Дорогой Пьер, – ответил на эту громовую речь растроганный Фрикэ, – ты всегда добр ко мне.

– Пустяки, мой мальчик. Я твой должник и, вероятно, не скоро еще поквитаюсь с тобой. И старый матрос снова опустил кулак величиной с голову ребенка на плечо Фрикэ.

На голову выше юноши, вдвое шире его, он казался гигантом среди малорослых португальцев Макао. Каждый, кто знал Пьера де Галя, понимал, что гораздо лучше быть его другом, чем врагом.

Но что за добрые глаза и открытое лицо были у этого буйвола! Его грубый, как рев муссона, голос дышал искренностью, а серые глаза, научившиеся пронизывать туман и темноту, взглядом веселили душу.

– О чем ты думаешь, Фрикэ?! – воскликнул снова Пьер, встряхивая Фрикэ.

– Я думаю, мой друг, о нас... Кажется, мы с тобой довольно постраниствовали по свету, имели немало хороших и дурных приключений и все-таки натолкнулись здесь, в грязном Макао, на нечто совсем неожиданное. У меня только что была стычка с шоколадным дворянином Бартоломео ди Монте. И как подумаешь, что этот негодяй – отпрыск великой и сильной расы. Эта желтолицая обезьяна с кривыми ногами, помесь португальца и китайки, имела, быть может, своим предком Альбукерка или Васко де Гама. Несчастное, худосочное растение, прозябающее в удушающей атмосфере среди подонков и отбросов Востока. Трус, нахал, предатель, – и мне придется драться с ним, с этим славным Бартоломео ди Монте!

Пьер слушал молодого друга с разинутым ртом. На его лице было написано не столько удивление, сколько умиление перед познаниями Фрикэ.

– Знаешь ли, дружище, – сказал он голосом, до смешного полным уважения, – ты стал так же умен, как корабельный доктор, клянусь тысячью штормов.

– Да, я много работал, занимался, – отвечал конфузливо Фрикэ восторженному Пьеру. – Впрочем, в этом, так же как и во всей моей судьбе, заслуга дорогого Делькура.

– Славный малый, – заметил задумчиво Пьер.

– Бедный Делькур! – продолжал Фрикэ. – Если бы не крах, который его постиг, я продолжал бы свое образование и не забрался сюда, в этот грязный притон воров, для вербовки дешевых работников.

– Мы вырвем их из когтей торговцев людьми.

– Без сомнения. Ты, конечно, знаешь миссию, которая возложена на меня: взять этих несчастных, которые прозябают хуже, чем псы, и переправить их в нашу колонию на Суматре, где они будут не рабами, а свободными рабочими.

– Да, если бы они были доверчивее и знали, какая судьба их ожидает, мы бы так долго здесь не торчали.

– Да, бедняки боятся, что их постигнет участь австралийских рудокопов, возвращающихся, большею частью, на гробовых судах¹.

¹ Китайцы, по законам своих предков, должны быть похоронены на территории Небесной империи. Пользуясь этим, англичане организовали целое пароходство для перевозки останков китайцев из мест эмиграции в порты Небесной империи. Часто в гробы кладут товары, и китайская таможня не может ничего сделать, так как открыть гроб считается большим святотатством. – Здесь и далее примечания автора, примечания переводчика или редактора – оговариваются.

- Но теперь, кажется, все улажено, и мы можем выйти в море.
- Завтра, завтра, дружище. Мне надо закончить с этим Бартоломео ди Монте.
- Но пока тебе нечего здесь делать, мы можем уйти.
- Сейчас, Пьер. Мне нужно сказать одному из этих игроков два слова.

Молодой человек подошел к толпе, окружавшей игорный стол, и оставил Пьера де Галья наблюдать интересное зрелище.

Под волшебным светом бумажных разноцветных фонарей, развешанных на потолке разными причудливыми фигурами, волновалась разношерстная толпа всех цветов кожи. На грязном столе шло адское макао, эта азартнейшая из азартных игр.

Богатые китайские коммерсанты из самых отдаленных провинций и даже с острова Гай-нана специально приезжают в это Монте-Карло крайнего Востока, чтобы проиграть несколько сотен золотых тэли².

Между желтыми лицами граждан Небесной империи виднелись индусы, негры, малайцы и европейцы, загорелые, почти черные, как актеры в мелодрамах, изображающие убийц. Банкомет, шестидесятилетний китаец с седой и жидкой косичкой, отвислыми губами и руками обезьяны, кидал карты, засаленные, как передник кочегара. После каждого тура он осматривал ставки ястребиным взглядом, ловко загребал проигрыши и со вздохом отсчитывал фунты и тэли немногим счастливым.

Кучка денег банкомета быстро росла. Настолько быстро, что один американский капитан, опустошив свой кошелек, закончил тем, с чего ему следовало начать: он стал присматриваться к рукам банкомета. После четверти часа наблюдений он бросился на китайца.

- Каторжник, шулер, вор! – закричал он так, что стекла веранды зазвенели.

Затем, схватив банкомета за косу так же спокойно, как хватал смолистую снасть корабля, он встряхнул его и, не обращая внимания на вопль испуганного китайца, распорол его балахон карманным ножом.

О чудо! Сотни семерок, восьмерок и девяток высыпались из складок платья китайца, к величайшему негодованию игроков, которые думали, что имеют дело с честным банкометом.

Этот короткий акт правосудия закончился полным скандалом: все бросились на деньги, и началась общая потасовка.

Фрикэ, с грустью наблюдавший эту жалкую сцену, вдруг почувствовал острую боль в плече. Он обернулся и увидел Бартоломео ди Монте с поднятым ножом, пытавшегося воспользоваться удобной минутой, чтобы избежать дуэли.

Фрикэ быстро схватил португальца за руку и так сжал, что тот отчаянно закричал:

- Простите... синьор!.. Вы мне сломаете руку.

– Негодай, тебе недостаточно, что ты меня обокрал, ты хотел еще убить меня из-за угла, как трусливый шакал!

- Простите, я вас едва задел, да и то потому, что меня нечаянно толкнули. Простите.

Фрикэ разжал пальцы, высвободив онемевшую руку португальца.

– Желтая макака, – сказал, смеясь, молодой человек, – я мог бы раздавить твою голову пяткой, но мне это противно. Вон отсюда, и живей!

В эту минуту к Фрикэ протолкался Пьер де Галь.

– Стоило ли оставаться, чтобы иметь дело с такими мошенниками? Сильно тебя ранила эта обезьяна?

- О, пустяки, небольшая царапина.

- Ну, в таком случае, идем из этого вертепа, а завтра в путь.

Друзья покинули игорный дом, еще не затихший после скандала, и направились в свою гостиницу. Найти ее было нелегко. Нужно быть моряком, чтобы ориентироваться в лабиринте

² Китайская монета, приблизительно равная английской кроне.

узких переулков, которые скорее похожи на галереи водостоков, чем на улицы. Они переплетаются между собой, карабкаются на горы, опускаются в овраги и наконец теряются среди китайских лачужек, разбросанных без всякого порядка.

Основанный в 1557 году португальцами, Макао лежит на самой оконечности полуострова. Он насчитывает до двухсот тысяч жителей, из которых только семь тысяч европейцев. Часть города, где живут последние, представляет из себя крепость с пушками, повернутыми во все стороны.

Фрикэ и Пьер бродили по этим переулкам и только к рассвету добрались до дома.

В то время, когда они входили, мимо прошли две темные фигуры.

– Клянусь брюхом тюленя, – вскричал Пьер, пристально всмотревшись, – это тот самый американец, который вздул шулера, и португалец, который хотел тебя убить!

Наутро друзья отправились в «Баракон», как называется здание китайской эмиграции. Некогда это здание было монастырем иезуитов, теперь же служило перевалочным пунктом для бедных кули³.

Первым навстречу французам попался португалец Бартоломео. С удивительным бесстыдством он подошел к Фрикэ и с подобострастием стал расспрашивать о здоровье. Не получив ответа, негодаяй удалился, делая отвратительную гримасу, которая должна была изображать улыбку.

– Прощайте, синьор, – говорил он, уходя, – будьте здоровы. Надеюсь, что вы никогда не забудете вашу встречу с Бартоломео ди Монте.

Пьер де Галь и Фрикэ, не обращая внимания на слова португальца, вошли к главному агенту эмиграции.

Жилище его было убрано с безумной роскошью, в которой европейский комфорт спорил с богатством Востока. Но едва вышли за дверь кабинета в коридор, как все изменилось.

Тут начиналось царство нищеты и голода. Бедные, оборванные китайцы, в течение целых суток не имевшие щепотки риса во рту, покорно ожидали решения своей участи. Они с унынием, гонимые неумолимым голодом, покидали зеленые берега Небесной империи, как будто чуя, что больше их не увидят.

Действительно, из десяти тысяч китайцев, которые ежегодно покидают Макао и уезжают в Калао, из пяти тысяч направляющихся в Гавану после закрытия Сан-Франциско, – добрая половина не возвращается совсем, и очень многие совершают обратное путешествие на кораблях-гробах.

Лучшая участь постигает работников, которые уезжают на плантацию французских колонистов в Суматре: там на них не смотрят, как на рабов или выючных животных, а главное, никогда не лишают свободы, в то время как в английских и испанских колониях рабочие попадают в вечную кабалу.

Она, собственно, начинается с первого дня поступления китайца в «Баракон». Его кормят несколько недель и записывают это в счет; хозяин берет его в работники, и чудовищные комиссионные деньги вычитаются из будущего жалованья китайца; болезнь или малейшая неточность в работе наказываются крупными штрафами из скудного жалованья, и несчастный, работая, как вол, находится долгое время в полном рабстве.

Мы уже знаем, что Фрикэ и Пьер де Галь были посланы французскими колонистами Суматры для найма рабочих. Честные и гуманные труженики не хотели приобрести рабов, – им нужны были только способные работники.

Судно, зафрахтованное для транспорта, было невелико, всего в семьсот тонн, при двигателе в двести лошадиных сил. Оно было построено в Америке, но владелец почему-то дал ему китайское имя «Лао-Дзы».

³ Нарицательное имя китайских рабочих.

Кроме того, капитан нарисовал на носу корабля огромный глаз, как это делают китайцы для отведения морских бед, что придавало пароходу вид каботажного судна китайских портов. Когда все формальности были соблюдены и колониальный служащий обошел ряды китайцев с вопросом, по своей ли воле они едут, Фрикэ подписал контракт с агентством и внес за каждого китайца по восьмисот франков.

На этом закончилась двухнедельная процедура найма работников, и остановка была только за «Лао-Дзы», начавшим разводить пары, чтоб сняться с якоря.

Этот американский пароход с китайским названием был чрезвычайно грязен. Цветной экипаж его, как будто набранный со всего мира для коллекции, был скорее похож на шайку бандитов, чем на честных матросов.

Бросив взгляд на черную палубу, на убранные паруса, на беспорядочно наваленный товар, Пьер де Галь, старый матрос французского военного флота, только покачал головой и проворчал несколько самых сильных морских проклятий.

– Грязная шаланда для мусора, – говорил почтенный моряк. – Это скорее китайский пират, чем честный купец⁴. И разве это экипаж?.. Какой-то малаец, хромоногий негр, косой португалец... Тысяча залпов, это зверинец и больше ничего!

Рассуждать было уже поздно: «Лао-Дзы» отдал все швартовы и отвалил от пристани.

– Вперед! – раздалась команда с мостика.

– Черт возьми! – вскричал Фрикэ, обернувшись. – Капитан нашей шаланды, оказывается, тот самый малый, который побил вчера шулера в игорном доме! Да и старшего помощника вчера мы тоже встречали.

– Молодцы! – ответил с презрением Пьер. – Оставили пароход и две недели пропадали в вертепах. То-то и палуба так убрана. Впрочем, пароход так хорошо нагрузили, что волны смывают всю грязь, прогуливаясь по ней.

Предсказания старого моряка сбылись очень скоро. «Лао-Дзы» прошел Сульфурский пролив, миновал острова Сано, Патун, Лантао и вышел в открытое море.

Это было в ноябре. Норд-остовый муссон в это время особенно свиреп, а океан беснуется. Бедный пароход качало, как жалкую шлюпку, и волны непрерывной чередой перекатывались через палубу.

Капитан с хладнокровием янки прогуливался по мостику, как будто считал, что все будет благополучно, если только аккуратно жевать двойную порцию табака.

– Отчего эта обезьяна не поставит парусов? – ворчал Пьер де Галь.

– Качка была бы не так чувствительна для тех бедняков, которые находятся на нижней палубе.

К вечеру янки пришел к тому же мнению. Два десятка разношерстных матросов, как обезьяны, поползли по марсам и через четверть часа «Лао-Дзы» нес марселя, фок и бизань⁵.

Этот маневр, сделанный словно в угоду Пьеру, не прекратил его ворчаний.

– Чудеса, право! – говорил он Фрикэ. – Мы черт знает куда идем. Муссон – норд-ост. Двигаясь к Сингапуру, мы должны чувствовать его затылком, но реи так обрасоплены, как будто мы держим курс к Филиппинским островам.

– Я ничего не могу тебе сказать, – отвечал Фрикэ, – ведь я невежда в морском деле; впрочем, у янки может быть какое-нибудь намерение.

– Конечно, но его намерение что-то не чисто.

– Пойдем-ка лучше спать, Пьер. Ты ведь знаешь, что лучший советник – сон.

Но старый моряк не разделял этого мнения.

⁴ На морском языке «купцом» называется всякое торговое судно.

⁵ Название парусов. – Прим. перев.

На рассвете он проснулся и с удивлением заметил, что ни стука машины, ни толчков винта не слышно. Он бросился на верхнюю палубу.

Самое сильное ругательство невольно вырвалось у него, когда он увидел, что «Лао-Дзы», рискуя потерять мачты, поднял все паруса. Любой клочок парусины, не исключая бом-брамселей, был поставлен назло сердитому муссону, который гнал пароход со скоростью десять узлов.

– Допустим, это прекрасно, – ворчал Пьер, – форсировать вовсю, но почему эта каналья не сворачивает к западу?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, бравый моряк полез на мостик к компасу. Он почти взобрался туда, как вдруг был остановлен грубым голосом рулевого:

– Пассажиры сюда не входят!

– Но я хотел бы взглянуть на компас, – отвечал Пьер де Галь.

– Я вам повторяю, что пассажирам вход сюда запрещен! – крикнул еще грубее американец.

Взбешенный Пьер вернулся на палубу и, встретив помощника капитана, пожаловался на грубость рулевого.

– Курс парохода – не ваша забота, – ответил Пьеру помощник и скрылся в рубке.

Старый матрос ничего не ответил и спустился в каюту. Когда Фрикэ проснулся, то увидел, что Пьер чистит свой револьвер.

– Что с тобой, старина? – спросил молодой человек.

– Готовлюсь всадить две унции свинца в голову этой обезьяны, которая командует нашей шаландой.

– Что ты хочешь этим сказать? Неужели твои подозрения справедливы?

– Или я непозволительно ошибаюсь, и мне нужно матросскую фуфайку заменить бабьим чепчиком, или эта каналья ведет нас в Тихий океан.

– Будь мы одни, я мало беспокоился бы о нашей жизни, – озабоченно произнес Фрикэ, – но мы обязаны исполнить поручение друзей, которые рискнули всем своим капиталом.

– Во всяком случае, этот долговязый американец нам дорого заплатит! – угрожающе закричал Пьер, потрясая револьвером.

Настало время завтрака, и наши друзья, хотя и сильно смущенные непонятным поведением капитана, подкрепили свои силы несколькими китайскими блюдами.

Тут произошло что-то загадочное.

Они впали в глубокий тяжелый сон. Сколько он продолжался, друзья не знали.

Когда они проснулись, полная темнота царила вокруг. Головы были точно налиты свинцом, а руки и ноги связаны.

– Черт возьми, – прошептал Фрикэ, – я на четырех якорях!

– Тысячу смертей! – воскликнул громовым голосом Пьер. – Мы брошены в трюм!

Глава II

Строгий арест. – Моряк, который не согласен иметь кормилицу. – Замыслы бандита. – Страшные угрозы. – Почему бандит не выбросил обоих пассажиров за борт. – Два океанских пути из Макао в Сидней. – На всех парах. – Рискованный маневр. – Неминуемая авария. – Прощайте, хорошие дни. – На коралловой отмели. – Агония погибшего судна. – Капитан, который оставляет свой корабль первым. – Что произошло в глубине трюма «Лао-Дзы». – Побег эмигрантов.

Фрикэ был прав, а Пьер ошибался.

Они лежали связанными по рукам и ногам не в трюме, а около своей каюты. Сильное наркотическое средство сделало свое дело: оно ослабило мускулы моряков, иначе вряд ли веревки удержали бы их.

С хладнокровием человека, бывшего и не в таких переделках, Фрикэ попробовал разорвать веревки и, убедившись в их крепости, прервал молчание.

– Пьер, все это произошло по моей вине, я должен был учесть твои подозрения.

– Разве можно было что-нибудь сделать?

– Конечно.

– Как?

– Очень просто. Я схватил бы за шиворот капитана, ты – второго бандита, его помощника. Мы спрятали бы их в надежном месте, и поверь мне, что тот сброд, который составляет экипаж парохода, не выразил бы ни малейшего протеста, если бы мы приняли на себя командование «Лао-Дзы».

– Да, мой друг, нам нужно было поступить так, хотя эти проклятые янки даже во сне держатся за рукоятку револьвера. Но хуже всего то, что мы отвечаем за бедных работников. О, если бы речь шла только о нас...

– Да, это главное несчастье, – грустно подтвердил Фрикэ.

– Но что нужно этому бандиту? – яростно воскликнул Пьер. – Почему этот мерзкий пингвин связал нас и бросил сюда? Неужели из-за того, что я вчера интересовался компасом? О, если бы я мог предположить это, то набрал бы полный рот морской воды и держал ее до самой Суматры.

– Успокойся, мой друг, – сказал Фрикэ, – ты ни в чем не виноват. Я догадываюсь, к чему ведется игра нашего бандита. Американец, очевидно, и не собирался доставлять нас по назначению. С того самого дня, как начался прием работников на палубу парохода, он уже задумал отнять у нас и перепродать бедных кули. Немного позже, немного раньше, – его жестокость должна была проявиться. Ты, может быть, только ускорил, но не вызвал ее. И вот что приходит мне в голову. Не связан ли со всем происходящим шоколадный дворянин Бартоломео ди Монте? Ты припоминаешь его последнюю угрозу?

– Как же, очень хорошо помню эту обезьяну с безобразной улыбкой, когда он что-то кричал нам вслед. Если мне придется снова побывать в Макао, то вряд ли он будет когда-нибудь улыбаться.

– Кроме того, – прибавил, ворочаясь, Фрикэ, – положение наше не самое удобное: у меня болят все кости.

– Бедный мальчик, – с состраданием взглянул на товарища Пьер, – сразу видно, что ты первый раз в такой передрыге. В молодости мне часто приходилось иметь дело с пеньковыми шнурочками. Терпи и утешайся тем, что бандиты нас не разлучили.

В это время брезент, закрывавший трап, открылся, и в каюту проник свет. Через минуту по трапу спустился молодой китаец с огромной дымящейся чашкой рисовой похлебки, в которой плавали ломтики сомнительного мяса.

– Ба! – вскричал Фрикэ. – Нам падает манна с неба.

– Молчать! – вдруг раздался грубый голос в каюте.

Это был часовой, который пришел вслед за китайским мальчиком.

Поваренок, дрожа, поставил миску, набрал полную ложку похлебки и поднес ее к лохматой физиономии Пьера.

– Проклятие, – вскричал тот, – долговязый бандит хочет дать мне кормилицу! Мне, Пьеру де Галю, старому боцману фрегата «Молния» и патентованному первому рулевому! Никогда!

Китаец, видя такой энергичный отказ, поднес ложку ко рту Фрикэ. Тот, преодолевая отвращение, сделал несколько глотков.

Увидя это, бретонец смирился и позволил себя накормить.

– Так и быть, – покорно шептал бедняга, протягивая губы вперед, когда мальчишка подносил к нему ложку с похлебкой.

Когда окончился скудный завтрак и китаец унес свою миску, Пьер де Галь подозвал часового и обратился к нему с речью на каком-то фантастическом языке, который должен был считаться английским.

– Хотя вы и порядочный мошенник, – начал он, – но все-таки матрос, значит, должны знать, что моряку после еды нужна порция табака за щеку.

Американец выслушал и безмолвно отошел в угол.

– Животное! – выругался Пьер де Галь. – Хорошо, мне не придется завязывать узелок на память для того, чтобы рано или поздно заставить тебя плясать под свою дудку.

Пятнадцать смертельно томительных дней протекло, не принеся ни малейшего облегчения в судьбе заключенных. Единственным утешением для Пьера был сюрприз, сделанный маленьким китайцем: он незаметно сунул моряку пакет с табаком.

– Бедный юнга, – говорил Пьер, – невесело твое житье на этом проклятом пароходе, судя по синякам, которые украшают твою рожицу. И несмотря на это, ты все-таки остался добрым малым.

Моряк схватил зубами драгоценный пакет и после нескольких минут самых нечеловеческих усилий раскрыл его и заложил за щеку гигантскую дозу табаку.

– О прелесть! – шептал он, захлебываясь от восторга. – Ведь это бархат! Бедный Франсуа, как жаль, что ты не понимаешь в нем вкуса!

– Да, старина, я не нахожу в этом удовольствия, но я отдал бы день жизни за несколько глотков чистого воздуха. Без этого моя голова расколется на части.

– Не отчаивайся, чем-нибудь все это да кончится.

Прошло еще два дня, и Пьер де Галь стал серьезно беспокоиться о здоровье друга. Наконец на третий день в их каюту вошел капитан парохода.

– Я полагаю, – начал он без всякого предисловия, – что вам здесь довольно скучно.

– Нет, ничего, – ответил иронически Пьер, – а вам?

– Дело идет о вашем освобождении. Я не буду тратить слов, ибо вы знаете, что время – деньги.

– Что нужно от нас? – спросил Пьер.

– Вот что, – ответил американец, больше обращаясь к Фрикэ, – вы должны продать мне китайцев. Они мне нужны. Акт перепродажи будет составлен на французском и английском языках. Вы его подпишите...

Пьер де Галь и Фрикэ застыли, потрясенные этим бесстыдным предложением.

– К сожалению, – продолжал бандит, – состояние моих финансов не позволяет предложить вам высокую цену, но все-таки вы получите пятьсот долларов, то есть две тысячи франков. Конечно, эта цифра гораздо меньше той, которую вы заплатили, но что делать... Я вас высажу на берег Австралии, недалеко от Сиднея, и вы, если захотите, найдете себе выгодное дело в английских колониях.

– Значит, мы идем не на Суматру, а в Австралию? – вскричал Фрикэ, видя, что его предположение оправдалось.

– Да, – невозмутимо вымолвил капитан.

– А если я не подпишу акта? – спросил Фрикэ, едва сдерживая крик негодования.

– Тогда, к сожалению, я вынужден буду продержать вас здесь без пищи и воды до тех пор, пока голод и жажда не дадут вам лучший совет.

– Вы самый последний из плутов! – крикнул в бешенстве Фрикэ.

– О, как французы болтливы! Поймите, это лишние слова, а время все-таки деньги. Скажите ваш окончательный ответ.

– Если бы не веревки, я задушил бы вас, вот мой ответ, – сказал Фрикэ и отвернулся.

– Как вы вспыльчивы, молодой человек. Я мог бы преспокойно послать вас путешествовать на дно океана, но это не скрепит акта перепродажи, и потому я подожду. До свидания, через два дня хорошего поста мы опять поговорим.

Американец насмешливо поклонился и вышел.

– И это моряк, капитан! – с негодованием сказал Пьер, молчавший до сих пор. – Позор, позор для всего американского торгового флота!

– Знаешь, старина, дела наши улучшаются!

– Как? – вскричал изумленный Пьер. – Разве тебе приятно умереть с голоду?

– Пьер, милый мой, ты старый боцман, brave матрос и не можешь догадаться, что бандит находится в невыгодном положении. Он не может нас выбросить за борт, ведь для входа в порт ему нужны документы, дубликаты тех, которые остались у португальских властей, с моей подлинной подписью о перепродаже работников. Если у него не будет этого документа, то как только станет известно, что «Лао-Дзы» не прибыл на Суматру, его сейчас же арестуют.

– Понимаю. Значит, этому кашалоту туго придется.

– Разумеется, иначе мы давно бы пошли на завтрак акулам.

– Тсс! – вдруг произнес Пьер, прислушиваясь. – Мы, кажется, пошли под парами.

Это обстоятельство, казалось бы незначительное, произвело большое впечатление на друзей.

Вот что произошло со дня их заключения.

«Лао-Дзы», подняв все паруса, взял обычный курс из Макао в Сидней. Этот путь, которым идут все суда, ведет сначала на остров Люцон, один из Филиппинских островов, затем опускается по каналу, который отделяет Люцон от Минданао, входит в океан, пересекает экватор на меридиане Анахоретовых островов и, описав отлогую кривую, кончается у Сиднейской бухты.

Таким образом, весь путь похож на гигантскую букву S, где Макао верхняя точка, Сидней нижняя, а середина кривой приходится как раз на экватор.

Первую половину пути «Лао-Дзы» прошел блестяще. Попутный муссон гнал его со скоростью девять и даже десять узлов. Скоро пароход достиг экватора и вдруг попал в полосу безветрия. Капитан, боясь надолго заштилеть в этих широтах, тотчас велел развести пары. Но для того, чтобы сократить путь, топливо и припасы, он решил не описывать вторую половину кривой, а идти по прямой линии. Его новый путь шел через острова Адмиралтейства, пролив Дампиера и архипелаг Луизиады.

Этот путь был настолько рискованный, что ни один моряк никогда не избрал бы его. Но американец, как азартный игрок, шел ва-банк и не принимал во внимание водный лабиринт коралловых рифов, которого так страшатся моряки. Он приказал только, для успокоения, кидать лот⁶ с обоих бортов, хорошо понимая, что это не спасет «Лао-Дзы», если встретятся рифы.

⁶ Прибор для измерения глубины моря.

Такое легкомыслие не могло благополучно обойтись. На выходе из канала Дампиера американец направил пароход на мыс главного острова из группы Люзанских, и вдруг судно получило страшный подводный удар. Крик ужаса вырвался у сотни несчастных китайцев, запертых на нижней палубе, когда широкая струя воды ринулась в пробоину.

Капитан остановил машину и спустил двух водолазов для осмотра подводной части парохода. Они убедились, что киль сильно пострадал, но обшивка надежна и, кроме пробоины, нигде больше не повреждена. Отверстие заделали, и капитан скомандовал «вперед».

Увы! «Лао-Дзы» остался на месте безмолвен и недвижим: машина не работала. Очевидно, толчок нанес ее сложному механизму какое-то серьезное повреждение.

Тем временем начал дуть ветерок. Капитан решил воспользоваться им и поставил паруса. «Лао-Дзы» потихоньку двинулся вперед.

Ветер постепенно свежел, поднялись волны. На «Лао-Дзы», как будто издеваясь над опасностью, были подняты все паруса.

Так прошла ночь. Наутро послышался зловеющий шум прибоя.

– Право на борт! – бешено закричал капитан.

Но было поздно. «Лао-Дзы» на полном ходу выскочил на самую середину коралловой мели. Раздался страшный треск; пароход застонал, раза два покачнулся и плотно уселся на рифах. Судно спело свою последнюю песню.

Капитан, увидев это и не желая предпринимать бесполезных попыток сняться, распорядился спустить на воду лучшую шлюпку. Взяв белый экипаж корабля, вооруженный с головы до ног, деньги, припасы и воду, он горестно махнул рукой и оставил погибавший пароход.

Понимая, что «Лао-Дзы» продержится недолго, что вскоре он лопнет по швам и волны разнесут его по щепкам, негодяй ни на минуту не задумался о судьбе несчастных эмигрантов, заботясь только о своей шкуре.

Малайцы, бенгалцы, индусы, составляющие половину команды парохода, обезумели от ужаса при виде капитана, удалявшегося на шлюпке с белыми матросами, и метались с воплями по палубе, хлопоча около оставшихся лодок.

Крики и стоны, несшиеся с нижней палубы, где были заключены китайцы, вдруг смолкли. Что стало с несчастными двумястами китайцами? Неужели вода уже залила их?

Поспешность, с которой белые оставили погибающее судно, объяснялась очень просто: несчастные, по распоряжению капитана запертые в душном помещении лицом к лицу с опасностью, были бы ужасны, если бы освободились и по заслугам отплатили своим мучителям. Капитан был знаком с результатами нескольких возмущений эмигрантов, доведенных до отчаяния. Они становились у решетки, упираясь в нее спинами, и через несколько часов нечеловеческих усилий, беспрерывно толкая ее, пробивали брешь и разбегались по судну, не щадя никого.

Какое дело было бандиту до жизни двухсот человек? Он застраховал свой живой груз также, как и пароход.

Однако то, чего он страшился, случилось. Когда они отплывали, решетка, закрывавшая ход в помещение эмигрантов, разлетелась вдребезги, и из черного, зиявшего как бездна, отверстия появились изможденные, изнуренные, полузадохнувшиеся существа с безумно блуждающими глазами.

Шатаясь, как пьяные, ослепленные дневным светом, они разбежались по палубе, смешавшись с толпой цветных матросов, хлопотавших около шлюпок. Первые китайцы упали мертвыми, обгадив кровью палубу. Человек пятьдесят, увидев, что шлюпка капитана уже отплыла, а другие еще не готовы к спуску, бросились в море, вплавь догоняя американца.

Но янки были не так глупы, чтобы позволить отнять у себя шлюпку. Они встретили китайцев градом пуль, сабельных ударов, за несколько минут успокоив навеки человек два-

дцать. Остальные, увидев бесполезность попытки, поплыли обратно на корабль, а шлюпка с бандитами быстро скрылась из виду.

Когда пловцы вернулись на «Лао-Дзы», палуба была усеяна трупами индусов и малайцев, на которых пленники выместили свою злобу.

А Фрикэ и Пьер, связанные, по-прежнему лежали на старом месте. В минуту аварии капитан позабыл о них.

Глава III

Ужасные мучения пленников. – На наводненной палубе. – Бред. – Счастливая находка. – Плот. – Салют флагу. – Невольное заключение на острове. – Новые Робинзоны. – Пленение краба. – Первая встреча с туземцами.

Оба пленника лежали в темноте измученные, с воспаленными глазами, запекшимися губами и онемевшими руками и ногами, чувствуя, что скоро наступит конец. Во время суматохи на трап навалили груды вещей. Приток свежего воздуха почти прекратился, и несчастные французы задыхались.

– Мы сидим на рифах, – хриплым голосом прервал молчание Пьер.

– Тем лучше, – шепотом ответил ему Фрикэ, – скорее закончатся наши мучения...

– О проклятие! Моряк должен умереть в море, но не связанным, как мешок с сухарями. Фрикэ ничего не отвечал.

– Мальчик, что с тобой? Отвечай! – с ужасом закричал Пьер, думая, что его товарищ умер.

– Что тебе нужно? – слабеющим голосом ответил Фрикэ.

– Ты не отвечаешь, твоё молчание меня пугает.

– Каждое слово, которое я произношу, молотом стучит в моей голове. Но ты не беспокойся, я сохранил силы и деятельно работаю.

Пьер затих и подумал, что его товарищ бредит.

– Будь спокоен, старина, – продолжал Фрикэ, – ранее, чем через двенадцать часов, мы будем свободны. Но эти проклятые веревки чертовски крепкие. Впрочем, терпение. Поживем – увидим, – закончил парижанин, продолжая своё таинственное занятие.

С минуты на минуту их страдания становились мучительнее. Когда судно с размаху село на риф, толчок едва не убил друзей. Затем они слышали, как острые коралловые отростки впились в бок судна и в нескольких местах пробили его.

К тому времени, когда Фрикэ закончил свою работу и с торжеством потрясал в воздухе ножом, испачканным собственной кровью, волна с адским шумом ворвалась на палубу и прошлась по их головам.

– Победа! С одной веревкой покончено...

Новая волна прервала его речь: он захлебнулся соленой водой.

Освободив одну руку, Фрикэ ничего не стоило справиться с другими веревками. Он перерезал их и вскочил на ноги.

– Пьер!

Ответа не было. Океан, точно торжествуя победу над бедным судном, бешено катил свои волны по палубам парохода, унося все, что можно.

– Пьер, – ещё раз крикнул Фрикэ и, не получив ответа, начал ощупью пробираться к месту, где должен был находиться моряк.

Фрикэ с ужасом заметил, что, освободившись от веревок, он уничтожил крепления, которые удерживали старого моряка на наклоненной палубе. Теперь его прибило волной к пробоине и придавило тяжелым блоком.

– Пьер, дорогой!.. Мой брат! – с воплем бросился на помощь товарищу Фрикэ, думая, что тот умер.

Голос молодого человека затих, потому что новая волна снова залила палубу.

Но Фрикэ был не из тех, которые падают духом в несчастье. Едва приступ слабости прошел, как молодой человек, забыв о пятнадцатидневных страданиях, голоде и жажде, бросился освобождать Пьера, не подававшего признаков жизни.

Провозившись с четверть часа, ценой нечеловеческих усилий Фрикэ удалось освободить Пьера и оттащить его к трапу, где было немножко светлее.

Положив моряка на ступеньки, Фрикэ заметил, что лоб его окровавлен.

– Это пустяк, – рассуждал молодой человек, надеясь на крепкое сложение своего товарища, – гораздо хуже, что он захлебнулся.

Призвав на помощь все познания в вопросе спасения утопленников, Фрикэ начал приводить Пьера в чувство. То, что другому могло стоить жизни, обошлось храброму моряку получасовым обмороком. Он скоро зашевелился, глубоко вздохнул и наконец открыл глаза.

– Пьер, ты жив, старина! – радостно вскричал Фрикэ. – Мы еще не скоро бросим с тобой мертвые якоря.

Пьер де Галь, хотя и очнулся, несколько минут сидел как будто в оцепенении. Он тупо смотрел на зиявшее отверстие в борту судна, куда хлестали волны. Вдруг его взгляд остановился на товарище, и он стал вспоминать.

– Что с нами? Где мы?

– У себя, в волчьей яме.

– Но что стало с пароходом?

– Сел на риф и почти разбился.

– А экипаж... пассажиры?

– Не знаю, старина, надо пойти посмотреть.

– Черт возьми, – вскричал Пьер, – у меня лоб в крови!

– Пустяки. Это мой нож, упавший во время толчка, украсил твое лицо.

– Ну и прекрасно. Теперь идем осматривать пароход, и горе этому каналье-американцу, если он не успел дать тягу.

– Не беспокойся, такие люди ни о чем, кроме своей шкуры, не думают.

– Но если они покинули пароход, то что же случилось с несчастными китайцами, запертыми в трюме? Они все должны были погибнуть, ведь трюм уже давно полон воды.

Фрикэ и Пьер ошибались. Освободив трап от загромождавших его вещей, они вышли на верхнюю палубу и сразу же наткнулись на несколько трупов матросов. Следов китайцев не было видно.

– Ну, слава Богу, они ушли, – вздохнул Пьер, – не без кровопролития, правда...

– Да, это была настоящая бойня, – с отвращением произнес Фрикэ, оглядывая трупы.

Двести китайцев похозяйничали, прежде чем оставили пароход, и счастье французов, что они провели это время в западне.

Несколько бочек пресной воды и ящик с сухарями случайно не были испорчены, и французы утолили голод и жажду.

После этого пора было призадуматься о переправе на видневшийся справа туманный берег.

– Терпение, мой мальчик, – повторял Пьер, оглядывая палубу, – если нам не оставили шлюпок, то мы построим плот. Для этого нам пригодятся рей и доски обшивки, а за бочонками остановки не будет. Только бы не попасть к дикарям на вертел. Впрочем, чему быть, того не миновать. Ты ведь знаешь, Франсуа, что гадалка в Лориане предвещала мне рано или поздно быть съеденным. Ха, ха, ха! Я давно примирился с мыслью, что мои ноги зажарят, как бифштекс.

И храбрый моряк, проголодавшийся две недели и едва не погибнувший полчаса тому назад, хохотал как ребенок.

– К делу, Пьер.

Через минуту работа у них закипела. Пьер работал топором, а Фрикэ пилой.

– Скоро мы оснастим нашу ладью, – говорил по своему обыкновению сам с собой старый моряк, – и в путь. Мы захватим всю провизию, воду, оружие, инструменты; не будет лишней и карта. Затем мы оборвем кусок материи от любого паруса и, кажется, тогда будет все.

– Нет, дружище, ты позабыл о трехцветном флаге. Вот он, – сказал Фрикэ, развернув старый французский флаг.

Через несколько часов плот был на воде. На нем красовалась маленькая мачта, смело торчавшая с обрывком паруса. Затем французы перетащили провизию и, обнажив головы, водрузили свой национальный флаг.

Укрепив с одной стороны плота весло, Фрикэ дал знак Пьеру рубить снасть, державшую их у борта «Лао-Дзы».

– Прощай, наша тюрьма! – воскликнул Пьер.

Плот освободился и плавно понесся вдаль, колеблясь на хребтах волн. К счастью, море начинало успокаиваться. Пьер поставил импровизированный парус и пустил плот в бакштаг.

Скоро глазам друзей представилась чудная картина. Плот вступал в лагуну. Здесь волны замирали, и вода становилась похожа на расплавленный металл. Подковообразная коралловая плотина, которая была так крепка, что могла выдержать любую бурю, служила преградой океану.

Еще пять кабельтов, и плот подошел к берегу кораллового острова.

– Уже четвертый раз я превращаюсь в Робинзона, – сказал Фрикэ.

Захваченные сухари, подмоченные в соленой воде, не могли удовлетворить друзей. Нужно было поискать какую-нибудь живность, так как только мясо могло восстановить их истощенные силы. В то время, когда друзья грустно осматривали побережье, в кустах неподалеку послышался треск.

Фрикэ раздвинул ветви и увидел необыкновенной величины краба. Не будучи ни натуралистом, ни ученым, парижанин, не долго думая, уложил его на месте ловким ударом по спине.

Через несколько минут бедный краб уже знакомился с огнем, перед которым в нетерпении сидели друзья.

– Знаешь, Пьер, – сказал Фрикэ, – ведь обитатели кораллового архипелага любители человеческого мяса.

– Тсс, – шепотом произнес Пьер де Галь.

– Что такое?

– Какая-то черная образина.

Фрикэ обернулся и увидел за кустом высокого, совершенно нагого дикаря, вооруженного копьем. Очевидно, дым и запах жареного привлекли его внимание. При виде двух европейцев он застыл на месте, и глаза его наполнились ужасом.

– Обольстительно хорош, – с хохотом заметил Пьер.

– Синьор, потрудитесь войти, – с иронией поклонился Фрикэ.

– Но на всякий случай оставьте свою алебарду в передней, – прибавил Пьер.

После нескольких минут созерцания дикарь огласил воздух резким гортанным криком и приблизился вплотную к французам.

Его живые глаза с величайшим любопытством, смешанным со страхом, перебегали с одного на другого. Ободренный неподвижностью Пьера, дикарь протянул вперед руку, дотрагиваясь пальцем до его лица, как будто желая стереть с него краску. Убедившись, что ее нет, дикарь бросил свое копье на землю, схватился за бока и начал хохотать. Затем, не ограничившись таким проявлением веселости, он бросился животом на песок и, скорее рыча, чем смеясь, принялся кататься по земле.

– Он немножко фамильярен, – заметил Пьер, – но ничего, веселого характера и, вероятно, добрый малый.

– Он, очевидно, очень мало видал европейцев и потому счел нас за пришельцев с Луны.

- Посмотри, Франсуа, у него даже зубы черные.
- Это от отвратительной привычки жевать бетель, – ответил Фрикэ.
- Что, если мы пригласим его позавтракать?
- И прекрасно; тем более, что краб уже готов.

Пьер сорвал два листа с веерной пальмы, вынул из пепла одну из клещей краба и, положив ее на импровизированное блюдо, поднес дикарю.

«Добрый малый» не церемонился долго. Он почти вырвал лакомый кусок из рук моряка, точно боясь, что тот только дразнит его, и жадно принялся пожирать свою порцию.

– Брр... с такими челюстями ты далеко уйдешь, – смеялся Пьер, – особенно при твоей любви к мясу европейцев.

Дикарь живо справился с клешней и попросил еще. Насытившись, он снова начал разглядывать друзей, останавливаясь на Пьере. Когда тот вынул свой платок величиной со шлюпочный парус, дикарь совсем ошалел. Ярко-красный цвет ослепил его: он бросился к моряку, мечтая вырвать платок.

– Поттише, мой милый, – оттолкнул дикаря Пьер де Галь, – во-первых, платок один, и прачка не скоро предвидится, во-вторых, твоя пуговица с кольцом совсем не нуждается в нем.

Дикарь, видя, что ему отказывают, неожиданно схватил копье и бросил им в Фрикэ. Тот успел отпрыгнуть в сторону, а копье, брошенное со страшной силой, вонзилось в землю по самое древко.

Когда Пьер бросился на черномазого, тот испустил дикий крик, повернулся и скрылся в кустах.

– Вот что значит счастье в несчастьи, дружище, – с облегчением вздохнул Пьер, видя, что его товарищ уцелел.

– Да, это удача. Наверное, проклятое копье было отравлено.

– Однако надо быть начеку; негодяй, вероятно, скоро приведет сюда целую банду черномазых. Эх, напрасно я не отдал этой обезьяне платок.

– Этот красный кусок материи послужит для нас ценным товаром при обмене. Конечно, теперь, когда война объявлена, следует быть осторожным. Но, в конце концов, обстоятельства покажут, что надо делать. Во всяком случае, давай приведем в готовность наши боевые силы.

– Два топора, две абордажные сабли, два ружья, три ножа. Кажется, арсенал достаточно полон.

– Самое лучшее, что мы можем сделать, – решил Фрикэ, – это вернуться к плоту и в случае нападения выбраться на середину коралловой бухты. Там мы все-таки будем в большей безопасности.

– Вероятно, дикарь» принадлежит к племени людоедов, – рассуждал Пьер, – он не похож ни на негра, ни на индуса, ни даже на малайца. Я никогда не видал таких дикарей. Этот негодяй, в котором я так ошибся, посчитав его добрым малым, не очень черен; его челюсти слишком выдаются вперед, голова похожа на метлу, а волосы совсем не вьются.

– Bravo, Пьер! Ты сделал самое точное описание головы папуаса. Значит, мы попали на прибрежные австралийские острова. Знаешь, старина, это плохо, и, если хочешь, я тебе расскажу почему.

– Мои уши раскрыты как лиселя⁷, – сказал Пьер, приготовившись слушать друга.

– Видишь ли, дружище, – начал Фрикэ, – один из самых замечательных ученых-путешественников последнего времени, Русель Уэлас, измеряя глубину моря в этих широтах, убедился, что между Индо-Китаем, Новой Гвинеей и Австралией находится одно подводное плоскогорье, с которого, как горные вершины, поднимаются над поверхностью воды острова. Эти острова, имеющие форму подковы, обладают следующей особенностью: с их внешней стороны

⁷ Боковые паруса, ставящиеся во время слабого ветра.

море так мелко, что ни одно судно не может приблизиться, с внутренней же оно так глубоко, что можно было бы потопить фрегат до самого клотика⁸ мачт. Только в одном месте это подводное плоскогорье пересекается глубоким оврагом, дна которого еще не достиг ни один лот. Над этой подводной пропастью, как будто рассекающей земной шар надвое, находится довольно быстрое и неизменное водное течение. Суда пользуются им как попутным. Пропасть, очевидно, разделяла два материка, когда-то существовавших и теперь затопленных. Один из них был продолжением Австралии, другой – Азии, а между ними лежал глубокий пролив. Это мнение подтверждается еще тем, что ни флора, ни фауна Полинезии и Малайского архипелага не сходны. Даже на островах, лежащих близко друг к другу, но разделенных подводной пропастью, заметна во всем и, конечно, в людях, их населяющих, огромная разница. С одной стороны (с азиатской) обитает красноватое племя с плоскими лицами и монгольскими глазами, длинными, прямыми волосами, обладающее спокойным, миролюбивым характером, – это малайцы; с другой – живут племена, которые больше похожи на негритосов и несравненно воинственнее своих соседей.

– Из этого следует, что мы попали по ту сторону подземной ямы, и потому нам следует держать ухо востро.

– Да, Пьер, этот черномазый нам доказал, что знаменитый ученый прав.

– Однако, Франсуа, ты преуспел в занятиях и стал учение любого доктора второго класса.

– О, ты преувеличиваешь, Пьер, – сконфуженно отвечал Фрикэ, – я еще полный невежда, мой умственный багаж невелик.

– Ну нет, не согласен. Я много потерял времени, пока втиснул в свою пустую голову две-три дюжины терминов да букварь, и то она едва не лопнула, а ты говоришь так умно и ясно о самых удивительных вещах. Как тебе это удалось?

– Очень просто, мой друг. Ты знаешь, что до семнадцати лет я перепробовал все, за исключением хорошего. Бродя оборванцем по Парижу, я узнал все его фонтаны, в воду которых приходилось макать черствый хлеб, и был несказанно рад случаю, давшему мне возможность добраться до Гавра. Здесь началась еще более суровая эпоха моей жизни. Сначала юнга, потом кочегар, затем матрос... Потом ужасное приключение, едва не стоившее мне жизни, когда я попал на невольничий корабль и не хотел повиноваться его капитану-португальцу. Я побывал в пустынях Африки, болотах Гвианы, девственных лесах Амазонки, пока не познакомился случайно с господином Андре Делькурмом. Тогда и началась работа для моей головы. Он сунул мне под нос книгу и сказал: «Читай». Это было трудно сделать, не зная алфавита, но через две недели я уже легко читал учебники. Я работал, как негр на плантациях, не спал ночами и достиг своего. Когда через полгода господин Андре проэкзаменовал меня, то был так приятно удивлен, что слезы показались на его глазах. О, я никогда не забуду этих слез, для меня они были лучшей наградой.

Растроганный этими воспоминаниями, Фрикэ замолчал. Пьер из деликатности тоже хранил молчание. Но упавший поблизости камень величиной с кулак вернул их к действительности.

– Ба! Камни в наш огород, – засмеялся по своей привычке Пьер. – Что это значит?

Второй камень, острый и гораздо крупнее, упал у самых ног друзей. Затем из кустов выскочила дюжина дикарей.

Пьер, не говоря ни слова, швырнул камнем в середину толпы.

Дикари советовались несколько минут и, как видно, решив, что оружие незнакомцев не страшно, бросились на французов.

С ловкостью дуэлянтов Фрикэ и Пьер обнажили свои абордажные сабли и стали в оборонительную позицию.

⁸ Верхушки мачт.

– Ну, господа, – обратился к дикарям Пьер, – если у вас нет другого оружия, кроме камешков и палочек, то до свидания, будьте послушными детьми, ступайте домой.

Дикари остановились. Что больше их поразило: сабли или речь моряка – неизвестно.

Эта остановка дала возможность французам добраться до плота.

В это время солнце начало тонуть в море с особенностью, присущей только экваториальным странам – тьма быстро, почти внезапно окутала землю. Это обстоятельство помогло друзьям укрыться на плоту, отплыть на середину бухты и даже соснуть «по-жандармски», что по терминологии Пьера обозначало: одним глазом.

Они отдыхали часа два, как вдруг страшный шум, донесшийся с берега, разбудил их. Вскочить и вооружиться было делом минуты. Красное зарево освещало лес. Оттуда несло какое-то адское пение и жалобные крики. Что это было? Праздник духов, сон, действительность?

– Боже, там происходит что-то ужасное! – вскричал Пьер. – Только сотня несчастных, с которых снимают кожу, может так кричать!

– Мы должны сойти на берег. Черномазые, кажется, не знают огнестрельного оружия, и потому нескольких выстрелов будет достаточно, чтобы их разогнать.

– Ты прав, Пьер. Может быть, они убивают людей, потерпевших крушение; мы должны сделать все для их спасения.

На несколько минут крики замолкли, но зато потом раздались еще ужаснее, чем прежде. Сотни людей вопили, стонали и просили пощады. Это были стоны человеческого тела, подвергнутого пытке; вопль тела, которое через несколько минут должно будет превратиться в труп.

За этим раздирающим душу хором раздался другой, – хор торжествующих, опьяненных демонов. Зарево в последний раз ярко вспыхнуло и начало угасать.

Повинуясь голосу сострадания, Пьер и Фрикэ вернулись на берег и, крадучись, стали приближаться к месту кровавой тризны. А дикий хор пел свою песню.

Пьер и Фрикэ пробрались, наконец, к поляне, освещенной, словно факелами.

Ужасное зрелище представилось их глазам.

Все китайцы, пассажиры «Лао-Дзы», спасшиеся с парохода на шлюпках, висели над кострами. Они были повешены рука об руку, ведь дикари очень изобретательны в деле утонченного мучения. Толпа дикарей, мужчин и женщин, человек в пятьсот, кричала вокруг повешенных, отрывая от тел несчастных дымящиеся куски мяса.

Вид двухсот мучеников и толпы опьяненных кровью каннибалов способен был свалить в обморок человека с самыми крепкими нервами.

Глава IV

Первые открытия в Океании. – Мореплаватели XVI, XVII и XVIII веков. – Магеллан, Мендона, Мендоса, Кавендиш, Симон Кордес, Зибальт Верт, Фернанд Квирис, Торес, Лемэр, Ньи, Гертос, Карпентер, Эдельс, Авель Тасман, Каулэй, Рочевэн, Комодор Байрон, Валас, Картрэ, Дампьер, Кук, Бугэнвиль, Лаперуз, Дантрекасто, Бодэн, Крузенштерн, Коцебу, Фрейсине, Шутен, Дюмон Дюрвиль. – Оргия над человеческим мясом. – Каннибалы Кораллового моря. – Слишком поздно. – Единственный уцелевший из двухсот китайцев. – Юнга с «Лао-Дзы».

За исключением нескольких пустынных островов крайнего севера и юга, незаметно сливающихся с вечными льдами, все водное пространство земного шара находится в руках человека.

Он давно покорил его и, казалось бы, славные имена Колумба, Кука, Магеллана должны уйти в область легендарного.

Но, наоборот, теперь всем цивилизованным миром овладела какая-то горячка по исследованию малоизвестных стран. Чувство национального первенства никогда не играло такую важную роль, как в конце XIX века. Люди бросаются вглубь девственных стран, презирая усталость, болезни и смерть. Многие из них делаются мучениками, погибают и обгагрят своей кровью документы открытий человечества.

В то время, как мореходы и флотоводцы XVI–XVII веков довольствовались только поисками неизвестных стран и открытием их, ученый путешественник XIX века исследует их и знакомит с ними мир.

Эра исследования сменила эру открытий.

Девятнадцатому веку как будто хочется написать последнюю страницу истории завоевания мира. Это будет самая блестящая страница во всей книге.

Поднять таинственную завесу, закрывающую Африку, перешагнуть через бесплодные пустыни Австралии, проникнуть вглубь обозримых лесов царицы рек Амазонки – вот задача и цель тружеников науки.

Мы видим, как варварство отступает назад, шаг за шагом, перед факелами пионеров цивилизации, и если один из них падает на этом тернистом пути, то другой подымает светоч, не давая ему погаснуть.

Теперь, когда мы лихорадочно следим за успехами этих отважных людей, шествующих мирным путем, будет кстати воскресить в памяти имена тех путешественников, которые подготовили для них почву.

Первым, кто смело устремился в неведомое в надежде найти богатые страны, был португалец Магеллан, которого Карл V послал в Тихий океан «для отыскания южного прохода». Магеллан отплыл с пятью судами. В пути два капитана из его эскадры взбунтовались и повернули назад. Магеллан остался с двумя судами и, к довершению несчастья, болезнь свалила его с ног. Но это его не останавливает. 21 октября 1520 года он достиг пролива, который носит теперь его имя. Он его прошел, поднялся к Норд-Осту и пересек экватор близ меридиана 170° восточной долготы от Парижа. Здесь он открывает группу островов, окрещенных им именем Разбойничьих, а ныне названных Марианскими. Сделав еще несколько открытий, Магеллан повернул в обратный путь. Но, увы, ему не удалось увидеть родину! 5 апреля 1521 года он был убит в стычке с дикарями архипелага Фиджи.

После трех бесполезных попыток Карважала, Ладрилероса, Альфонса де Салазара, Альор де Соведреа открыл большие земли, которые назвал Новой Гвинеей, считая, что они находятся поблизости от африканской Гвинеи.

В 1533 году Гурдат, Грижалы, Гаэтано прошли этим же путем, но ничего нового не нашли.

Мендона и Мендоса в свою очередь забрались вглубь Великого океана и открыли группу островов, сказочно богатых и потому получивших название Соломоновых. Затем они наткнулись на острова Изабеллы, Меламты, Маркизские, которые посетили впоследствии Кук в 1794 и Крузенштерн в 1804 году.

Знаменитый английский адмирал Дрэк в 1577 году прошел путем Магеллана и открыл массу островов, но не позаботился нанести их на карту и потому потерял на многие из них право открытия.

Только в 1586 году Кавендиш совершил полное кругосветное путешествие. Он покинул Плимут и направился через Атлантический океан мимо мыса, ныне носящего название Горна, прошел Магеллановым проливом и вернулся в Европу, обогнув мыс Доброй Надежды.

Два голландских моряка, Симон Кордес и Зибальт Верт, прославили свою страну, пройдя Магеллановым проливом и поднявшись до Филиппинских островов и Японии.

Лоцман Фернанд Квирис в скором времени открыл группу островов, которую он назвал Сагитера (ныне Таити), Бугэнвиль – остров Матеа и группу Новых Цикладов (Кук назвал их потом Гибридами). Торес, плававший вместе с Квирисом, отделился от него близ Гвинеи и нашел пролив между Новой Голландией и Новой Гвинеей, который до сих пор носит его имя.

В 1616 году два голландца, Лемэр и Шутэн, открыли новый пролив ниже Магелланова, прошли мысом Горн и открыли Собачьи, Кокосовые и, пятнадцатого июня, Разбойничьи острова.

В это же время Ньи, Гертос, Карпенгер, Эдельс и Витт начали исследовать материк Австралии, а голландец Авель Тасман обессмертил себя открытием Новой Зеландии, острова Амстердам, группы Дружеских, Принца Вильгельма, Ротердама и других островов, закончив свое изумительное путешествие в Батавии в 1643 году.

С году на год победы увеличивались, и острова обширной водной равнины Великого океана начинали заселяться. В 1663 году англичанин Вуалей находит остров Галопagos, а его соотечественник Дампьер – проход между Новой Британией и Новой Гвинеей.

Комодор Байрон первый составляет полную карту Океании и открывает ряд новых островов – Опасных, Герцога Морского и так далее.

Но слава этих мореходов бледнеет с появлением знаменитого Кука... Он делает три кругосветных путешествия, в продолжение десяти лет держит океан в своей власти, до конца исследует Полинезию, открывает массу островов, систематизирует карты своих предшественников и трагически заканчивает свою морскую карьеру в 1779 году на Сандвичевых островах, будучи убитым дикарями. Куку по справедливости принадлежит слава первого географа Великого океана.

Также печально закончил другой знаменитый путешественник Лаперуз, заместивший отважного капитана в Тихом океане.

XIX век начинается открытиями Бодэна и русского адмирала Крузенштерна, который исследует северные области вплоть до Японского архипелага и Курильских островов.

Дюмон Дюрвиль замыкает славную серию мореходов Великого океана. Судьба этого человека замечательна: он пренебрегал опасностью, рисковал жизнью, отправляясь в неизвестные страны и отваживаясь с небольшим экипажем высаживаться среди диких племен, и погиб пятидесяти лет, но не в море, а в вагоне сошедшего с рельс поезда железной дороги.

Дюмон Дюрвиль не только мореплаватель, но и большой ученый. Он был геологом, гидрографом, ботаником и астрономом и первый начал исследовать открытые страны, их флору, фауну, климат.

После исследования Черного моря, написав о нем целый том на латинском языке, Дюмон Дюрвиль пустился в экваториальные страны и пробыл там шесть лет; результатом его путешествий были богатейшие ботанические, минералогические и зоологические коллекции.

Второе путешествие Дюмон предпринял через два года, надеясь отыскать следы погибшего Лаперуза. После трехлетнего скитания по водной равнине он набрел на остовы двух кораблей, лежащих на коралловых рифах. Это были «Бусоль» и «Астролябия» – корабли несчастного. Воздвигнув ему памятник, Дюмон отплыл через Яву, Сингапур и мыс Доброй Надежды назад во Францию. Он снова привез с собой богатейшие коллекции, например, десять тысяч образцов растительности Полинезии и так далее.

Позже, желая пополнить свои этнографические познания, Дюмон снова предпринял путешествие, открыв на этот раз два острова – Жуавиль и Луи-Филипп. Посетив острова Маркизовы, Таити, Самоа, Каролинские; ученый смело направился к югу, в арктические страны, где сделал важные для навигации наблюдения над течениями и плавучими льдами. После этого он вернулся во Францию.

Если сложить все пути следования этого мореплавателя в прямую, то она могла бы обогнуть земной шар по экватору четырнадцать раз.

Теперь, когда читатель вспомнил краткую историю открытий в Тихом океане, вернемся к нашим друзьям, выброшенным капризом судьбы на неизвестный островок, вероятно, находившийся вблизи Новой Гвинеи.

Фрикэ и Пьер де Галь, спрятавшись в кустах, долгое время не могли прийти в себя при виде страшной картины, представившейся их глазам. Никогда в течение своей бурной жизни, полной неожиданностей, Пьер и Фрикэ не видели ничего подобного. Вид опьяненных кровью дикарей среди двух сотен мучеников леденил кровь в жилах.

Когда прошло первое оцепенение, Фрикэ с негодованием рванулся вперед.

– Потихе, мой мальчик, – удержал его Пьер, – ты добьешься только того, что нас повесят рядом с китайцами.

– По крайней мере, я перебую дюжину этих зверей.

– Ну, а дальше? Предположим, что мы убьем двадцать – тридцать человек, все же останется несколько сотен.

– О, если бы у нас была митральеза, которую я видел в Гавре! Я зарядил бы ее картечью и пустил несколько залпов в толпу этих каннибалов.

– Посмотри, Франсуа. Если глаза меня не обманывают, один из несчастных китайцев еще жив. Но они его сейчас убьют.

Действительно, группа людоедов бросилась на китайца, лежавшего под деревом. Они схватили его за косу и потащили к костру. Фрикэ прицелился. Миг – и огненная молния пронизала тьму; раздался выстрел, и один из каннибалов упал.

Китаец, пользуясь этим, приподнялся и побежал.

Когда испуг дикарей прошел, они пустились вдогонку за пленником. Раздалось еще два залпа, и два дикаря свалились.

Китаец заметил, где находятся люди, желающие его спасти. Пользуясь замешательством дикарей, он спрятался в кустах близ друзей.

– Если ты понимаешь хоть слово по-французски, – сказал ему Пьер, – не шевелись.

Китаец замер. Томительная тишина воцарилась на поляне. Дикари были поражены суевренным ужасом. Непонятный звук и молния, загадочная смерть товарищей и невидимые враги – все это совершенно сбило их с толку.

– Последний залп! – скомандовал Пьер.

– Пли! – ответил Фрикэ.

И четыре выстрела уложили четырех дикарей.

Страшный вопль раздался в толпе каннибалов, и они рассеялись, как тьма при появлении солнца.

– Теперь в обратный путь, – скомандовал Пьер, – надо возвратиться на плот, там безопаснее. Мы все равно не можем вернуть к жизни бедных китайцев; хорошо, что удалось спасти хоть одного.

Китаец, чудом спасенный, робко стоял между французами.

– Melci, messel... melci, – лепетал он прерывающимся голосом, благодаря своих спасителей.

– Что ты говоришь, мой мальчик?

– Я говорю melci... Вы спасли мне жизнь.

– А, понял! Ты хочешь сказать merci.

– Да.

– Как жаль, что мы не пришли вовремя, – с грустью сказал Пьер, – возможно, тогда не произошло бы этой бойни.

– Вы правы, господин, – заплакал китайчонок, – теперь они убиты... все убиты... я остался один.

– Ты не один, а с нами. Мы возьмем тебя с собой, и ты разделишь нашу судьбу, будешь у нас юнгой.

– Я уже был юнгой... но наше судно разбилось.

– Что ты говоришь? – вскричал Фрикэ. – Так это тебе мы обязаны спасением? Ведь это ты бросил мне нож, когда мы лежали связанными?

– Да, господин.

– Ба! – вскричал в свою очередь Пьер. – Ведь это ты стащил для меня табак?

И друзья бросились обнимать маленького китайца, а потом продолжали путь. Вскоре они пришли на берег моря. Недалеко от берега качалось большое судно папуасов с парусами из кокосовых листьев. Оно было снабжено водой, рыбой, плодами. Очевидно, дикари покинули его, чтобы поживиться лакомым блюдом, неожиданно посланным им крушением «Лао-Дзы».

Наши друзья на плоту подъехали к кораблю, не колеблясь завладели им и устроились на ночь с намерением утром покинуть его.

Глава V

История картавого китайчонка. – Китайчонок становится настоящим матросом. – Осмотр неведомого острова. – Флора и фауна коралловых островов. – Как крабы открывают кокосовые орехи. – Бегство дикарей и посещение «Лао-Дзы». – Драгоценная находка. – Каждый готовит по сюрпризу. – Иллюминация, устроенная Пьером де Галем. – Остров Вудларк.

– План будущих действий. – Окружены со всех сторон людоедами.

Остаток ночи тянулся томительно, приводя в отчаяние отважных моряков. Никто из них не мог сомкнуть глаз ни на минуту, и не без причины. Пьер и Фрикэ, привыкшие к невзгодам, люди с закаленными нервами, пожалуй, могли бы заснуть, несмотря на близость канибалов, но им не давал покоя целый легион невидимых врагов, от которых они не могли избавиться. Вся бухта была покрыта целым облаком австралийских комаров; эти маленькие чудовища, жало которых не действует на кожу папуасов, с ожесточением набросились на тонкую кожу белых, не щадя даже молодого сына Небесной империи.

Парижанин ругался на чем свет стоит и посылал в преисподнюю микроскопических вампиров, хоботки которых наполнены раздражающим ядом, а пронзительное жужжание приводит в дрожь. Моряк закурил трубку, не щадя табаку, в надежде, что едкий табачный дым отгонит маленьких, но беспощадных и надоедливых врагов. Но напрасно: куренье принесло не больше пользы, чем проклятия.

Утомившись от бесполезной войны с целой армией, они сели и начали тихо разговаривать. Маленький китаец, «говотивший по-фланцузски» и не выговаривавший буквы «р», рассказал свою историю. Это была короткая, но потрясающая драма.

Его отец был могущественным мандарином провинций Фу-Кианг, главный город которой Фу-Чоу. Как все китайские мандарины и чиновники, его отец не был разборчив в средствах обогащения и нисколько не церемонился с жителями провинций. Ему это было легко, так как он был почти полновластным господином провинции, а потому занялся и торговлей людьми. Были пущены в ход всевозможные средства для успеха этого выгодного дела; посылались эмиссары, зазывавшие переселяться в Америку и так далее. Но чаще всего практиковался более дешевый способ – кража людей. При этом мандарин, пользуясь своей властью судьи, приказывал брать под арест первого попавшегося и приговаривал его за выдуманное преступление к заключению в тюрьме на любой срок. А из тюрьмы арестант без шума и хлопот препровождался прямо на борт корабля.

Вообще этот мудрый и заботливый мандарин был, по выражению капитана корабля «Лао-Дзы», очень ловким человеком и состоял в постоянных «деловых» отношениях с капитаном.

В последний раз случилось так, что янки понадобился проворный и ловкий юнга для личных услуг. Хотя китайцы пригодны для этого дела, но надо много времени, чтобы обучить их. Затруднение для торговца людьми заключалось в том, что в то время среди его подчиненных не было ни одного, за обучение которого он мог бы взяться с надеждой на успех. Капитан был очень озабочен этим, а так как он строго следовал пословице «время – деньги», то решил долго не думать. Как раз вышел подходящий случай.

У мандарина был сын, мальчик лет 16, которого он воспитывал весьма заботливо. Этот торговец человеческим мясом любил свое детище и, что бывает у китайцев не часто, поручил миссионерам обучить мальчика. У последних мальчик выучился немного говорить по-английски и французски, читать, писать, считать, вообще узнал все сведения, которые были ему необходимы, чтобы впоследствии стать хорошим помощником отцу в его выгодном предприятии. Но американец рассудил иначе: он решил, что будущий торговец в настоящее время может быть хорошим юнгой.

И в одно прекрасное утро янки под каким-то предлогом зазывает мальчика на свой корабль. Здесь он приглашает его в каюту, а в это время подняли якорь, и корабль, уже окончивший погрузку своего «товара», быстро вышел в открытое море.

Нет необходимости описывать горе мандарина; но торговец людьми, во всяком случае, понес заслуженное наказание. А бедный мальчик, не повинный в преступлениях своего жадного отца, стал жестоко расплачиваться за его грехи. Мальчика сразу же заставили взяться за свои обязанности, то есть исполнять всевозможные прихоти пьяницы капитана, получая одни лишь затрещины. А так как капитан был пьян ровно двадцать четыре часа в сутки, то можно себе представить, какая жизнь выпала на долю несчастного мальчика.

В жизни нередко бывают странные вещи. Так было и здесь: у мальчика, сына гнусного торговца людьми, было доброе и честное сердце. Не думая о собственных страданиях, он при удобном случае оказывал, чем мог, помощь несчастным пассажирам. Видя, что у одного из них нет табаку, он с невероятными трудностями достал у своего палача горсточку и передал несчастному. Он же надрезал ножом веревки, которыми был связан Фрикэ, так что тот, уловив удобную минуту, легко мог справиться с ними.

Всю эту короткую, но трогательную историю простодушный китайчонок рассказывал на своем малопонятном жаргоне. Его новые друзья не вполне понимали то, что он говорил, но тон его речи глубоко тронул их.

– Бедный мальчик, – сказал Фрикэ, – мы не забудем того, что ты сделал для нас, и постараемся заменить тебе семью, из которой ты так варварски вырван, а потом и возвратить тебя родным.

– Да, да, – заметил Пьер, – мы будем заботиться о тебе, как родные.

– Кстати, как тебя зовут?

– Ша-Фуа-Цзенг.

– Как?

– Ша-Фуа-Цзенг.

– Ах, бедняжка, да разве это имя? Ведь это все, что угодно, только не имя. Как видно, ты не был записан в книгах Батиньольского мэра... Мы никогда не привыкнем к нему. Мне кажется, что было бы лучше дать тебе французское имя. Если уж ты так любишь свое, то сможешь снова называться как хочешь, когда воротишься на родину.

– Плавда, – согласился китаец.

– Вот и отлично. Ты, я вижу, славный мальчик. Хочешь, мы назовем тебя Виктором?

– Виктолом... да, это холосо.

– Ах, черт возьми! Я и забыл, что ты не выговариваешь «р». Впрочем, ничего, привыкнешь... Кстати, – вдруг переменял Фрикэ разговор, – мне кажется, что мы немножко позабыли о папуасах, или понгосах, как ты их называешь, матрос.

– Это потому, что нам нет нужды вспоминать о них, – хладнокровно заметил последний.

– Согласен, но я заговорил об этом потому, что наш мальчик может рассказать, как эти папуасы расправились с его товарищами.

Рассказ был краток, но ужасен. Китайцам при гибели корабля удалось высвободиться гораздо раньше, чем двум французам. С помощью канатов они устроили сообщение с берегом и доставили туда провизию. К несчастью, на корабле было множество бочек с виски, которые они также перевезли на сушу. Выбравшись на берег, все они напились мертвецки пьяными. В это время подкрались папуасы, и большая часть китайцев попала в их руки без сопротивления.

Некоторые, менее отуманенные парами алкоголя, пытались сопротивляться, но были тотчас же перебиты.

Виктор (отныне мы будем называть его так), спрятавшись между корнями громадного кедра, видел ужасную и отвратительную сцену, когда папуасы привязали несчастные жертвы за волосы к ветвям деревьев и потом лакомились их теплой кровью. Найденный в последний

момент, молодой китаец тоже стал бы жертвой дикарей, если б не подоспели Пьер де Галь и Фрикэ и не спасли его своим храбрым вмешательством.

На горизонте уже занималась заря, когда китаец окончил свой рассказ. Через несколько минут взошло солнце; надо было на что-либо решиться.

– Ну, что мы будем делать? – спросил Фрикэ и, взглянув на китайца, продолжал: – Черт возьми, да ты гол на три четверти, мой бедняжка.

– Челные солвали мой камзол и изолвали блуки.

– Ах, негодяи! Ну, хорошо, что они заодно не сорвали с тебя и кожу. Кстати, на берегу должно кое-что остаться. Хорошо бы одеть тебя матросом! Не правда ли?

– Плавда!

– Отлично! Так на берег, к плоту.

Пьер взялся за весло из крепкого тропического дерева, Фрикэ также, и пирога, управляемая искусными и сильными руками двух европейцев, быстро понеслась к берегу. Хотели было поднять парус, но Пьер решил, что это довольно опасно, так как папуасы могут заметить их. Легко обогнув коралловые рифы, путники вскоре подплыли к плоту, на котором были сложены припасы. К счастью, папуасы не заметили этих вещей, а они могли в настоящее время очень пригодиться. Но увы! Здесь были только остатки припасов, и этих остатков было совсем немного, хотя на пироге можно было бы увезти вдвое больше. Поэтому перегрузка не отняла много времени. В числе всего действительно оказались рубашка и панталоны для молодого Виктора. Китайца тотчас же нарядили в новое платье, и оказалось, что оно чрезвычайно идет ему; по выражению Фрикэ, китаец выглядел в нем «настоящим матросом». Сам Виктор был в восторге.

– Что же мы дальше будем делать? – спросил Фрикэ, когда погрузка была окончена. – С такими соседями, как наши, мы не можем оставаться здесь долго, нельзя быть спокойными ни минуты. С другой стороны, слаба надежда на то, что нам удастся уладить с ними дело миром. Как ты думаешь, Пьер?

– Я хочу услышать твое мнение. Скажи, что ты думаешь, и из двух мнений, твоего и моего, выберем лучшее.

– Хорошо. Прежде всего, одно из двух: или мы находимся на маленьком острове, или же на твердом материке.

– Справедливо.

– В первом случае нам нечего засиживаться здесь, и было бы лучше поискать другой остров с более безопасным пристанищем. Таких островов здесь должно быть много и искать пришлось бы недолго. Наоборот, если это материк, то нам надо как можно скорее уйти из этих мест, заселенных людоедами, да еще опьяненными вчерашним пиршеством. Мы должны и в этом случае уйти как можно дальше от подобных соседей.

– Что же дальше?

– Кроме того, я думаю, надо было бы хорошенько обследовать этот коралловый риф и узнать его размеры. У нас хватит провизии на целую неделю, а в речках можно набрать сколько угодно воды. Таким образом, мы можем обследовать риф без затруднений и лишений. Если в это время дикари вздумают напасть на нас, то мы попробуем убедить их теми же аргументами, что и в прошлую ночь. Тогда они хорошо подействовали, авось и впредь будет то же. Вот мое мнение. Когда мы исполним эту часть программы, то посоветуемся о дальнейшем.

– Я согласен с твоим мнением, матрос. А пока не мешает закусить, прежде чем приступим к делу.

Скудный завтрак был съеден с аппетитом, какой может быть только у моряков, потерпевших крушение; затем началось обследование рифа. Пирога, которая, как уже было сказано, отличалась превосходными морскими качествами, под управлением двух искусных моряков

быстро понеслась на восток. Первый день прошел без приключений, и папуасы ничем не давали знать о своем присутствии.

Самым серьезным затруднением была адская жара, невыносимая даже для моряков, привыкших к тропическому климату. Кроме того, солнечные лучи, отражаясь от раскаленных белых коралловых рифов, буквально ослепляли отважных моряков. К счастью, глаза их могли отдохнуть на окаймлявшей горизонт свежей, роскошной зелени, какая может быть только в Океании.

Фрикэ, больше Пьера знакомый с тропической флорой, рассказал по дороге своим спутникам, что знал об этой роскошной растительности. Большинство деревьев были полезны для человека и все чудно хороши. В рассказе Фрикэ придерживался не научной, а собственной классификации, и потому разделял все растения на съедобные и несъедобные.

Громадные цветущие папоротники, обвитые лианами с одуряющим запахом, сменялись ксанторреями с тонким стволом и роскошным шлемом из громадных листьев. Вокруг них виднелись стебли дикого сахарного тростника, на которых сидели сотни щебечущих птиц; перья их переливались всевозможными цветами; массы великолепных и невиданных бабочек вились вокруг венчиков огромнейших роскошных цветков, еще более оживляя картину тропического леса.

В общем, флора и фауна страны были довольно однообразны, но это было однообразие роскоши, так как все вокруг было одинаково превосходно и удивительно.

Время от времени путники слышали глухой шум падения на землю кокосовых орехов. Фрикэ показал товарищу любопытное явление, оспаривавшееся многими учеными: крабы, которые такие же любители ядер кокосового ореха, как медведи меда, раскрывали необычайно твердую скорлупу и лакомились сладким кушаньем.

На первый взгляд кажется невозможным, чтобы краб своими клешнями мог добыть ядро из необычайно крепкой волокнистой скорлупы. Но на самом деле это так. Кроме природного инстинкта, крабы обладают, несмотря на неуклюжую внешность, необычайной ловкостью. Они выбирают одну из ямок на наружной поверхности скорлупы, и здесь, волокно за волокном, с необычайным терпением расколупывают скорлупу клешнями, пока доберутся до содержимого. Окончив подготовительные работы, краб концом клешни просверливает большое отверстие, как буравом, и получает возможность полакомиться вкусным блюдом, которое поедает с алчностью.

Фрикэ, рассказывая, не забыл позаботиться о провизии. Крабы уже служили им один раз ужином, и на этот раз путники собрали про запас несколько огромных крабов, положив их на дно пирога на спину и, конечно, оторвав ужасные клешни.

Прерванное наступлением ночи путешествие возобновилось с появлением зари. Вскоре французы пришли к выводу, что остров не может быть больших размеров, так как по положению солнца они увидели, что за время не больше двенадцати часов обошли около половины острова. Они еще более утвердились в этом мнении, когда около полудня увидели перед собой полуразрушенный, без снастей, остров. «Лао-Дзы».

Удивительно, как остатки корабля могли до сих пор держаться на воде. Вокруг судна сновало множество пирога, но сновало осторожно, так, как подходят хищные животные к крупной по размерам добыче. Одновременно в движениях дикарей были видны и жадность, и осторожность, и страх.

Отступать было поздно.

– Попробовать пугнуть их? – спросил Фрикэ, взяв в руки ружье.

– Пожалуй, – заметил Пьер с обычным хладнокровием, но вдруг спохватился. – Послушай, есть идея: если мы попадем на корабль, то, может быть, найдем там вещи, которые могут нам пригодиться. Мало ли что может быть на корабле. Надо воспользоваться случаем, которого потом не воротишь, а то будет поздно.

– Что ж, – согласился Фрикэ, – пойдем и протрем глаза этим чернокожим дьяволам!

Появление пироги с белыми людьми произвело необычайное смятение во флотилии папуасов. Острое зрение чернокожих мародеров быстро различило новых гостей. Быть может, они вспомнили о событиях позапрошлой ночи и сочли новых гостей виновниками своего бегства, быть может, внешность пришельцев показалась им подозрительной, – как бы то ни было, они сочли за лучшее как можно скорее удалиться от остова корабля, не рискуя вступать в битву с белокожими.

Подплыв к кораблю, Пьер привязал пирогу к оторванной якорной цепи. По ней, как по лестнице, все взобрались на палубу «Лао-Дзы». Но, увы, они нашли здесь немного: несколько ящиков с консервами, рыболовные удочки и снасти, которые, впрочем, могли пригодиться в будущем, кусок паруса и тому подобное. Но кладовая, к несчастью, была затоплена, и добыть много провизии не удалось.

После безуспешных поисков они хотели уже оставить корабль, как вдруг Фрикэ случайно попал в каюту капитана, где был страшный беспорядок. Видно было, что и сюда заглядывали кули, не оставившие ничего целым, даже морской карты, от которой остались одни клочки.

Парижанин машинально взял в руки один из этих клочков и вдруг вскрикнул:

– Черт возьми! Да ведь это путевая карта, где разбойник отмечал свой путь! Вероятно, он делал это до самого крушения. Если это так, то мы найдем здесь полезные сведения.

И запасливый парижанин спрятал обрывки карты в карман.

– Постой, – вдруг снова крикнул он, – револьвер! Револьвер системы Нью-Кольта... очень хорошая система! А вот и патроны. Все это нам пригодится.

Видя, что больше нечем поживиться, парижанин вышел на палубу и увидел Пьера, возившегося с каким-то, видимо, тяжелым мешком, наполненным шариками величиной с кулак.

– Ты чем это занимаешься? Уж не картофель ли это?

– Гм! – усмехнулся Пьер. – Хорош картофель! Увидишь, а пока подожди.

– Хорошо! – согласился Фрикэ. – Мне кажется, что каждый из нас готовит друг другу сюрприз.

– Может быть. А пока поспешим.

– Ты что-то очень торопишься!

– Да, тороплюсь. Я хочу устроить небольшую иллюминацию и полюбоваться ею на приличной дистанции, больше ничего. Пора, надо спешить!

– Я думаю направиться к берегу. Переночуем на земле, а потом... потом увидим.

– Есть что-нибудь новое?

– Много нового!

С отбытием белых папуасы, как коршуны на пададь, набросились на полуразрушенный корабль. Раньше они лишь плавали вокруг него, боясь взобраться на палубу, так сильно его величина пугала их. Теперь они видели, что какие-то белые люди уже были там, и потому смело полезли наверх.

Пьер, Фрикэ и молодой китаец, укрывшись за скалой, выступавшей из моря, ждали, что будет. Моряк таинственно улыбался. Вокруг корабля стеснился круг папуасских лодок. Вот лодки подошли к самому «Лао-Дзы», и дикари с воем полезли наверх.

Вдруг на палубе что-то вспыхнуло, и страшный столб дыма и пламени поднялся выше грот-мачты. Раздался потрясающий грохот, от которого дрогнули скалы, далеко вокруг море вспенилось и закипело, и громадные валы понеслись от корабля во все стороны. Корабль взорвался.

Когда море снова успокоилось, на нем уже не было лодок: все они погибли при взрыве. Но дикари погибли далеко не все, и масса черных голов, тяжело пыхтя, направлялась к берегу, в ужасе удаляясь от страшного места.

– Вот вам и иллюминация, о которой я говорил, – усмехнулся Пьер. – Хороша? Вот что сделал бочонок пороха, который я нашел на корме. Туда, вероятно, его затащили кули, предполагавшие, что в них содержится тафия⁹. Во всяком случае, это будет неплохим уроком для дикарей, и впредь они научатся бояться этих плавающих чудовищ даже после крушения.

– А ведь если бы взрыв произошел двумя минутами позже, вероятно, не уцелел бы ни один дикарь.

– И очень жаль, что этого не случилось. Я был бы очень рад, если бы взрывом уничтожило две-три лишние дюжины этих дьяволов в человеческом образе. Ты знаешь, что я не трону пальцем и ребенка. Но другое дело эти дикари. С тех пор, как я увидел, как они набросились на двести беззащитных жертв, пили их кровь и пожирали их еще живыми, признаюсь, с тех пор я несколько изменил свое мнение о «добрых дикарях».

– Думаю, что да, – со вздохом заметил Фрикэ. – Хоть и нечего жалеть этих дикарей, а все-таки грустно...

– Что ж, не следовало ли, по-твоему, давать им сахар, чтобы приручить к себе? Нет, мой милый, ты очень уж снисходителен. Я думаю даже, что этот урок еще недостаточен для дикарей... Видишь, как они в исступлении протягивают руки к небу и морю, слышишь завывания, которыми они, вероятно, призывают свои дикие божества? А ведь мы еще не выбрались отсюда...

– Пока нет, но завтра выберемся.

– Как? Значит, ты узнал путь? Знаешь, где мы?

– Да.

– Говори же!

– Сейчас, это и есть мой сюрприз. Я думаю, что мы находимся на коралловом острове Вудларке, имеющем в окружности не более сорока пяти – пятидесяти миль и лежащем под 9° южной широты и 153° восточной долготы от Гринвича.

– Ты удивляешь меня.

– То есть, – продолжал Фрикэ, словно не заметив, что его перебили, – мы находимся приблизительно на 3° к востоку от крайней точки Новой Гвинеи.

– Иначе на семьдесят пять лье.

– Совершенно верно. Итак, мы должны сесть в нашу ореховую скорлупу и постараться достигнуть Новой Гвинеи, тем более, что дикари, насколько мне известно, не решаются на своих лодках пускаться в открытое море.

– Наоборот, жители Меланезии и Полинезии проплывают в открытом океане расстояния в четыреста и даже пятьсот лье на своих лодках. Но положим, что мы благополучно достигаем берегов Новой Гвинеи, что дальше?

– Мы направимся сперва на юг, а потом, не теряя из виду берега, поплывем на запад.

– Словом, это будет каботажное¹⁰ плавание. А дальше что? Долго оно продлится?

– Конечно, ведь мы должны проплыть вдоль берега весь Папонэзский залив, начиная со сто пятьдесят первого меридиана.

– От Гринвича?

– Всегда от Гринвича. Я сказал: от 151° западной долготы до 142°.

– То есть мы должны пройти девять градусов.

– Другими словами, около двухсот двадцати пяти лье; а потом мы пойдем к Торресову проливу.

– Зачем?

– А затем... Но это пока сюрприз.

⁹ Сахарная водка.

¹⁰ Каботажное – прибрежное. – Прим. ред.

– Пока я не вижу препятствий к выполнению этого плана.

– Наоборот, препятствий множество: во-первых, мы все время должны плыть около выдающихся в море острых утесов. Не забудь, что в пути мы можем ориентироваться лишь по звездам, а ты знаешь, как важно верно выбрать направление. Наконец, нет ничего невероятного и в том, что мы встретимся с дикарями, и в том, что у нас не хватит провизии и пресной воды.

– Верно. Осторожность никогда не мешает... Истинная храбрость состоит в том, чтобы без страха смотреть в лицо опасности, в то же время обдумывая средства, как избавиться от нее... Впрочем, я ударился в философию...

– Ничуть. К этому я добавлю: истинное мужество должно состоять в том, чтобы расценивать возможную случайность как настоящую и невозможную как вероятную.

– Кстати. Как ты узнал, где мы находимся?

– Я нашел обрывок морской карты в каюте капитана американца.

– И эта находка, должен сказать, тем более кстати что у меня есть что-то, позволяющее ориентироваться в плавании не только по звездам...

– Что же?

– А вот эта безделушка, – и Пьер вынул из кармана маленький компас, прикрепленный в виде брелока к большим серебряным часам.

– Bravo! Я и не надеялся, что у нас найдутся такие полезные вещи. Отлично. Провизии у нас пока достаточно, и завтра же с восходом солнца мы можем отправиться в путь на нашей пироге.

В первый раз путники провели ночь спокойно. Лишь только взошло солнце, все были уже на ногах, укрепили посреди пироги мачту, и Пьер стал уже прилаживать парус, как вдруг матрос испустил яростное проклятие.

Перед лагуной, где находились путники, виднелась черная линия лодок, на которых было около двухсот папуасов. В то время, как эти лодки образовали грозный полукруг, столько же вооруженных с ног до головы дикарей замыкало полный круг на береговой линии.

Таким образом, три путника со всех сторон были окружены множеством вооруженных кровожадных дикарей. Положение становилось критическим.

Глава VI

Блокада дикарей. – Как Пьер «играет в мяч». – Ужасная, но необходимая мера. – Водобоязнь на суше и водолюбие на море. – Благополучное плавание. – Новый коралловый остров. – Что такое аттол. – Флора и фауна кораллового острова. – Подводный мир. – Минута отдыха. – В ожидании пока торт зажарится. – Теория происхождения коралловых островов.

При виде дикарей Пьер разразился отборнейшими проклятиями:

– Ну, черные херувимы, посмотрим еще, кто кого... Хорошо, господа пангосы, я вижу, у вас разгорелись глаза на нас. Возможно, мы вкусное блюдо, да как бы вам им не подавиться...

И вдруг, обратясь к Фрикэ и китайцу, он повелительным голосом сказал:

– Все по местам! Не бойтесь!

Фрикэ, знавший по опыту неистощимую находчивость и изобретательность моряка, понял, что он не шутит, и быстро поднял парус. Пьер встал у кормы, положил у ног мешок с шариками, так заинтересовавшими Фрикэ еще на палубе «Лао-Дзы», и, взяв в руки весло из крепчайшего австралийского дерева, спросил:

– Все готово?

– Готово!

Пирога накренилась и быстро понеслась вперед, рассекая волны и оставляя за собой длинную полосу пены.

– Огниво при тебе?

– Конечно.

– Зажги трут!

– Готово!

– Дай его сюда и выполняй мои распоряжения. Я правлю, – продолжал он, стоя у кормы, – прямо-на дикарей. Если они выпустят нас из своего круга лодок, тем лучше для них. Если же они позарятся на наше мясо, тем хуже для них! *A la guerre comme a la guerre*¹¹! Готовьтесь, господа. Ждите, когда они начнут, потом разрешите первому ответить мне, а затем и вам никто не препятствует послать несколько свинцовых гостинцев!

Зрелище было редкое и безумно смелое: одна пирога с тремя людьми смело шла на флотилию с целой ордой дикарей, которые в молчании потрясали копьями, кривляясь на все лады и поднимая руки с камнями и топорами.

Немало мужества надо было, чтобы хладнокровно и уверенно идти прямо на эту страшную линию лодок, подобно чудовищному боа-констриктору¹² все теснее обвивавшуюся вокруг.

Но Пьер улыбался. Фрикэ, взяв в руки ружье, поправил козырек картуза для защиты от солнца и приготовился стрелять. Китаец дрожал всем телом. Пирога была уже не более чем в тридцати метрах от дикарей. Мимо ушей матроса просвистел первый камень, брошенный людоедами.

Это послужило сигналом. Пирог дикарей стали быстро собираться вокруг европейцев. Раздался оглушительный вой, и начался настоящий град из камней. Путники пригнулись за бортом пироги.

Пьер достал из мешка шарик величиной с апельсин и поднес его к горевшему труту.

– Хорошо, голубчики мои, – сказал он многозначительным голосом, – вы хотите полакомиться нами. Отлично, но только прежде поиграем в мяч!

И неизвестный снаряд, оставляя в воздухе легкую струю дыма, полетел, брошенный ловкой и сильной рукой, в середину лодок дикарей.

¹¹ На войне как на войне. (фр.). – Прим. ред.

¹² Гигантская змея. – Прим. ред.

За первым шариком последовал второй, только в другое место.

Прошло несколько секунд томительного ожидания. Вдруг раздался глухой взрыв. Среди густого столба белого дыма с трудом можно было увидеть, как четверо дикарей кувырнулись в море, убитые или тяжело раненные.

– Черт возьми! – вскричал парижанин. – Да ведь это граната.

– Как видишь, – хладнокровно заметил матрос. – Еще раз-два! Пли! Хорошо!

Неистовые крики бешенства послышались со стороны дикарей. Камни по-прежнему градом летели в лодку европейцев, но дикари, видимо, были поражены случившимся, и камни направляемые неуверенной рукой, по большей части летели мимо. Прошло еще несколько минут, и страшная линия лодок разомкнулась. На поверхности воды плавала масса обломков, там и сям виднелись черные туловища дикарей: видно было, что шарики Пьера произвели ужасное действие.

А пирога с полным парусом, как морская чайка, быстро скользила по поверхности волн, оставляя дикарей все дальше за собой.

– Клянусь честью, – серьезно заметил Пьер, – я не виноват в происшедшем. Не мы начали эту бойню, и я умываю руки, как Понтий Пилат. Как ты думаешь, матрос?

– Я думаю, что, не захвати ты с «Лао-Дзы» этих игрушек, мы были бы изрезаны, зажарены и съедены... Я не понимаю только одного: для чего эти вещи были на «Лао-Дзы»? Ведь там они вовсе ни к чему...

– Как, ты этого не знаешь, ты, знающий чуть ли не все на свете?

– Не знаю.

– Да ведь это был корабль с кули, которые в любую минуту могли возмутиться. Поэтому на подобных судах всегда есть целый запас подобных вещей. Если можно, то берут и митральезы, хотя обычно ограничиваются одними гранатами.

– Ах, черт возьми!

– Что такое?

– У нас нет воды.

– Неужели?

– Да. На берегу мы позабыли запастись пресной водой, а теперь уже поздно.

– Как ты думаешь, не пригодятся ли нам эти кокосы? В каждом около поллитра сока, а у нас есть и два бочонка, каждый вместимостью литров на двенадцать.

– Бочонки? Где они?

– Они перед тобой. Видишь эти два колена из ствола бамбука, полые внутри? Вот тебе и бочонки, где сок может отлично сохраниться.

– Это меня успокаивает. Лучше я четыре дня не буду есть, но для меня пытка пробыть двенадцать часов без питья.

Пирогна направилась на юго-восток, бодро рассекая волны океана. Дул свежий береговой ветер, и потому было достаточно одного паруса, без весел. Пьер вынул обрывок морской карты и свой маленький компас, направил лодку возможно точнее и хладнокровно закурил трубку.

Благодаря ветру, жара была вполне сносная, и потому первый день плавания прошел как какая-нибудь прогулка. С наступлением ночи, к большой радости пловцов, на небе всплыла луна, и ее света было вполне достаточно, чтобы ориентироваться в море и направлять лодку, куда надо.

К сожалению, карта была далеко не полная, и потому представлялась немалая опасность наткнуться на подводную скалу или риф. Опасения эти оказались небезосновательными: через двадцать четыре часа плавания, на следующее утро, на восходе солнца путники услышали какой-то шум, похожий на гул громадного водопада.

Пьер осмотрелся кругом.

– Куда это мы попали? – заметил он. – Все время я направлял пирогу по компасу и карте, ошибки быть не могло, а не далее, чем в миле от нас, слышен какой-то шум... Между тем ближайший остров Избиения должен находиться не ближе сорока пяти миль. Вероятно, мы подплыли к какому-нибудь неизвестному острову. Нам надо постараться не попасть в буруны, иначе нашу скорлупу вместе с нами – поминай как звали!

Чтобы течение не прибило лодку к скалам, Пьер и Фрикэ взяли весла и стали энергично грести, помогая парусу. Борьба с волнами и течением была долгая и упорная. После двух часов невероятных усилий пирога миновала опасные места, и впереди показалась земля, при одном виде которой Пьер испустил восторженное восклицание.

Это был типичный образец кораллового острова, аттола, так хорошо описанного знаменитым натуралистом Дарвином, маленький островок, в виде браслета окружающий внутреннюю лагуну. Словом, это был точно такой же остров, как и Вудларк, с теми же коралловыми рифами вокруг, представлявшими собой как бы защиту острова от волн океана. Растительное царство не отличалось особым разнообразием. Вечная кокосовая пальма – необходимая принадлежность всякого кораллового острова – высоко поднимала свой изящный ствол, а вокруг нее виднелось несколько других пород тропических деревьев. Но совсем иначе выглядела внешняя сторона, та самая, где прибой волн образовал страшные буруны. Здесь видны были мыльное дерево, рицины, драконовое дерево, мускатное – словом, самая роскошная тропическая растительность. Возникает вопрос: откуда эта растительность могла появиться на пустынном острове, лежащем посреди океана? Как могли попасть сюда эти деревья и растения? Дело объясняется очень просто. Морские волны смывают с берегов азиатского материка массу деревьев и растений. Все это уносится морским течением или с помощью муссонов к австралийским островам. Более нежные растения, находясь долгое время в соленой воде, погибают, но многие переносят это плавание, и когда их выбросит на какой-нибудь из коралловых островов, их семена сохраняют еще достаточно жизни, чтобы приняться на новой почве. Таким образом на одиноких коралловых островах появляется роскошная и разнообразная растительность, способная на первый взгляд поставить в тупик любого натуралиста относительно ее происхождения. На самом деле в этом нет ничего удивительного, потому что жизненная сила растительных семян необычайна. Недавно в египетских пирамидах найдены были зерна пшеницы, лежавшие там более четырех тысяч лет. И что же? Эта пшеница, будучи посеяна, возшла!

Такова жизненная сила природы.

Царство животных на острове не отличалось особым разнообразием. Несколько видов ящериц, пауки и множество суетливых муравьев. Всюду виднелась масса крабов-пустынников, лениво ползавших по песчаному берегу или гревшихся на солнце. Разнообразные виды морских птиц носились в воздухе: бакланы, фрегаты, морские ласточки и так далее.

В противоположность известковому берегу, покрытому тонким слоем почвы и потому не особенно богатому растительностью, в воде, в полном смысле слова, кипела жизнь. Не найти ни одного углубления между скалами, где не было бы массы рыб всевозможных видов, размеров и цветов; ни одного грота, где не кишели бы великолепные виды зоофитов. Вода была до того прозрачна, что видно было даже каменистое дно моря, и удивленным глазам путников открывалось редкое, невиданное зрелище. Множество водных обитателей с невероятной быстротой плавали туда и сюда, гонялись друг за другом, пожирали слабейших, убегали от сильнейших. Лучи солнца, проникая в глубину, переливались всеми цветами радуги, отливая золотом и серебром на чешуе рыб. Вот морской рогоносец с черным носом, обыкновенно плавающий лишь у берегов; радужный губан с блестящей чешуей, словно опоясанный золотым поясом; светящиеся фосфорическим светом пиропеды; морские павлины, своей роскошью соперничающие с земными; глифизодоны с лазуревым телом и красными перьями; полосатые, как зебры, акантуры с хвостом, вооруженным двумя опасными шипами, способными нанести серьезные раны; страшные «морские дьяволы» и так далее. Словом, взорам открывался целый необъят-

ный мир неведомых морских обитателей, всевозможных видов, величин, цветов – такое роскошное животное царство, какое может быть только в тропических морях Океании.

Пловцы едва могли оторвать глаза от чудной картины. Но положение их не позволяло надолго забыться, и они причалили к берегу. Привязав пирогу к дереву, путники занялись практическим решением обычных для всех моряков вопросов: где остановиться? Нет ли воды? С этой целью все отправились вглубь острова, ни на минуту не теряя из виду места, где они спрятали лодку. На этот раз счастье улыбнулось им чуть ли не в первый раз со времени отъезда из Макао. Они нашли воду, которая, как в вазах, сохранялась в огромных раковинах около берега. Вода эта осталась здесь после дождя, а густая листва предохраняла ее от испарения.

Находка эта была драгоценна. Оба француза были в восторге и радовались, как могут радоваться только французы, неистощимые в весельи, бесстрашные в опасности. Даже китаец Виктор нарушил свою обычную национальную молчаливость.

Пьер, как настоящий сибарит, лениво растянулся на мягком ковре из пальмовых листьев. Время от времени, поджаривая в скорлупе огромного краба, он перебрасывался с Фрикэ несколькими словами.

– Как ты думаешь, – говорил он, – земля, на которой мы теперь лежим, совсем не такая, как на материке?

– Без сомнения. Материковая почва состоит из множества чередующихся слоев различных геологических формаций; в недрах земли находятся разные минералы. Здесь нет ничего подобного, и под тонким слоем почвы находятся лишь остатки известковой скорлупы полипов, соединившиеся в одну массу, Бог знает, на какую глубину.

– Признаться, я во всем этом ровно ничего не понимаю, хотя все это слышал еще на корабле.

– Тем не менее, это так. Ты можешь легко убедиться в этом, ведь мы в настоящую минуту находимся именно на одном из коралловых островов. А о кораллах ты, вероятно, слыхал?

– Еще бы не знать кораллов! Из них наши мастера делают для модниц всевозможные украшения, которые те носят и в ушах, и на шее, и на руках, и чуть ли не в носу. Но откуда все это берется в воде, вот в чем вопрос!

– Я кое-что читал об этом в книге английского ученого Дарвина...

– Английского? – словно с укоризной заметил собеседник.

– Ну да. К сожалению, я не смог дочитать эту книгу до конца. Впрочем, я прочел достаточно, чтобы знать, что все эти острова не более чем плоды деятельности бесчисленного множества мельчайших животных, раковины которых, каждая отдельно, едва видны простым глазом, а громадная масса этих раковин образует целые острова среди моря.

Пьер, казалось, стал что-то вычислять и лишь по временам многозначительно замечал:

– Необычайно! Удивительно!

И снова замолкал.

Действительно жаль, что парижанин, обладавший удивительной памятью, не смог основательно ознакомиться с этим вопросом. Нет сомнения, что при его необычайном таланте рассказчика он прочел бы своим спутникам интереснейшую лекцию о том, как мельчайшие животные строят громадные острова, как из глубины моря постепенно появляются эти коралловые острова с кокосовыми пальмами, зеленеющими кустарниками, прибрежными рифами, барьерами, как нарочно построенными искусным инженером для защиты берегов от прибоя. В самом деле, море пожирает все, разрушает удивительнейшие и грандиознейшие сооружения людей и не может победить простой оградой, появившейся естественным путем! День и ночь безбрежный океан бурлит вокруг маленького кораллового острова, каждую минуту его волны хлещут эти небольшие островки и рифы. Если бы они были сплошь из порфира или гранита, они давно уступили бы океану, были размыты и уничтожены; а они, будучи из вещества гораздо более хрупкого, остаются целы и невредимы.

Объяснение этого странного на первый взгляд факта в том, что здесь с могучим океаном борется живая, органическая сила – полипы, которые построили эти острова. Эти полипы являются созидательной силой и противостоят всем усилиям океана. Что же может сделать страшная, но слепая сила океана против этих архитекторов, работающих день и ночь? Таким образом, всемогущее море, против которого иногда бессильны даже люди, уступает полипам, воздвигающим новые, более грозные укрепления вместо разрушенных.

Не хватило бы целого тома, чтобы описать строение, жизнь и нравы этих любопытных архитекторов. Постройки занимают сотни и тысячи миль посреди Великого океана, и ученые разделяют их на три класса: аттолы, барьеры и коралловые пояса. Внимание ученых и путешественников уже давно было обращено на полипов и их постройки. Еще в 1505 году Пирар де Лаваль писал: «Удивительно смотреть на каждую из этих лагун, называемых по-индейски аттолами, окруженную со всех сторон каменной стеной без всякой помощи человека».

Первые путешественники полагали, что полипы строят эти острова инстинктивно, с целью сделать из внутренней лагуны безопасное убежище. Но Дарвин доказал, что полипы, живущие снаружи коралловых островов и охраняющие их, не могут жить во внутренних лагунах, где вода всегда спокойна и где живут другие виды полипов. Здесь видна удивительная мудрость природы: две различные породы живых существ бессознательно действуют в общих интересах, как по строго обдуманному плану.

Наиболее принятая теория полагает, что аттолы – результат подводных извержений. Но все новейшие изыскания ученых опровергают это.

Есть еще теория, принадлежащая путешественнику Шамиссо, в 1815 году совершившему кругосветное плавание вместе с русским капитаном Крузенштерном и сыном знаменитого Коцебу. По его мнению, рост коралловых островов и их круглая форма зависят от приливов и отливов. Но и эта теория давно уже опровергнута. Кроме того, известно, что полипы не могут жить на глубине более 30 метров (около двенадцати саженей) от уровня океана. Возникает вопрос: на чем же они строят свои острова? Полагали, что они строят их на песке, скапливающемся на дне океана громадными массами. Но известно, что в то время, когда на поверхности океана страшная буря, в глубине все спокойно. Каким же образом целые массы песка могли собраться среди океана на неизмеримой глубине? Предполагая же, что фундамент для постройки коралловых островов вулканического происхождения, пришлось бы предположить, что подземная сила действовала с таким расчетом, чтобы поднять землю как раз не доходя двадцати – тридцати метров до уровня океана. Это невозможно. А если нельзя предположить, что фундамент для коралловых островов поднимался снизу вверх, то надо предположить, что он опускался сверху вниз.

И это предположение оказывается справедливым. В самом деле, новейшие изыскания ученых доказали, что море разрушает мало-помалу, но постоянно, все наши материки, которые постепенно все более опускаются. В таком случае, опускавшиеся слои земли служили фундаментом, на котором полипы и возводили свои постройки, которые, опускаясь, в свою очередь, служили фундаментом для построек следующих поколений полипов.

Барьеры, окружающие коралловые острова или берега материка, отделяются от земли глубоким каналом с необычайно чистой и тихой водой.

Величина коралловых островов различна. Самые большие находятся у берегов Новой Каледонии и имеют величину от ста тридцати до ста пятидесяти лье.

Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность в постройке коралловых островов. Внутренний склон островов очень отлог, наружный же чрезвычайно крут, и такая крутизна у наружной окружности барьеров идет вниз на триста и более футов. Таким образом, острова являются как бы грозными крепостями, воздвигнутыми посреди безбрежного океана и снабженными высочайшими стенами. Морю иногда удается пробить бреши в этих стенах,

причем, такой величины, что в них могут проходить большие корабли, находящиеся в лагунах свободную и безопасную гавань.

Очень интересно объяснение Дарвина относительно происхождения канала между барьером и коралловым островом. Предположим, что земля опускается постепенно или сразу на несколько футов. Так как полипы не могут находиться на глубине тридцать метров, то естественно, что они выбирают выше, на ту глубину, где они легко могут жить. Таким образом, вокруг острова образуется как бы небольшой вал, а так как опускание почвы все продолжается, то полоса между берегом и барьером мало-помалу становится все шире и глубже, а лагуна становится годной для жилья лишь наиболее нежных видов коралловых полипов.

Если же опускается не остров, а твердый материк, то в результате получается то же самое, только в более крупных размерах. Горы мало-помалу становятся островами, окруженными барьерами; последние, когда горы погрузятся в океан, становятся аттолами с лагуной посреди.

Все это время полипы деятельно работают. Как только море опустится ниже глубины, на которой они могут жить, они взбираются выше и выше, возводят все новые и новые постройки, и таким образом в результате труда миллионов маленьких животных появляются огромные острова.

Да простит нам читатель, что мы оставили наших героев; они устали после трудов и спят богатырским сном, а потому:

– Спокойной ночи!

Глава VII

Мрачная страница из жизни Фрикэ и Пьера де Галя. – Берлога бандитов моря. – Борьба до смерти и дорого купленная победа. – После четырех дней плавания. – Новая Гвинея или Полинезия. – Самый большой остров в мире после Австралии. – Горцы и береговые жители. – Роскошная флора. – Первый выстрел Пьера де Галя. – Вкусное жаркое. – Кенгуру. – Проект запаса съестного для долгого плавания. – Особенная мука. – Саговое дерево.

Рассвет уже приближался, когда Пьер проснулся. Фрикэ не спал и задумчиво глядел на горевшее в вышине созвездие Южного Креста.

– О чем ты задумался? – спросил Пьер де Галь, заметив, что его друг помрачнел.

Парижанин вздрогнул, словно пробудившись от сна. Быстро овладев собой, он заговорил медленным и торжественным тоном, странно противоречившим его обычной веселой болтовне.

– Уж не в первый раз, – начал он, – моя нога попирает коралловый риф. Наше пребывание здесь воскресило в моей памяти один из самых драматических эпизодов моей жизни, полной всевозможных треволнений. Не прошло еще трех лет с тех пор, как другой коралловый риф, очень похожий на этот, был театром кровавой битвы. Экипаж французского крейсера, – все храбрецы как на подбор, – преследуя без усталости таинственных бандитов, загнал их наконец в берлогу – остров, находившийся от Парижа на 143° долготы на восток 12°22′ широты на юг, то есть отсюда, по крайней мере, на сто восемьдесят лье.

– Мой корабль «Молния»! – вскричал Пьер прерывающимся голосом. – Командир де Вальпрэ... мой офицер.

– А! И ты вспомнил, старый дружище. Да, подобные приключения не забываются.

– Да! О, как это было ужасно!

– Это была целая шайка злейших врагов общества, известных нам под именем бандитов моря!..

– Самое подходящее для них имя...

– Как бешеные отбивались они от нас. Стой они за правое дело, этих извергов сочли бы героями. Бледно-розовые верхушки подводных кораллов окрасились в темно-красный цвет. Коралловый остров, прозванный «кровавая пена», утратил свой прекрасный цвет и превратился... о, страшно вспомнить...

– Какая ярость! Сколько ожесточения! Какая бешеная резня!

– Помнишь, Пьер, тот убийственный огонь, встретивший нас в темном, узком проходе, куда мы ползком добрались, предводительствуемые командиром. Эти громовые удары, потрясающие грот; блеск молний, беспрестанно пронизывающих мрак ночи, оглушительный свист, обломки скал, отбиваемые пулями, стоны умирающих...

– Да, помню... Разве это можно позабыть?

– Тяжело досталась нам победа... А все-таки это было славное время.

– Да, время хорошее... А храбрый доктор Ламперриер, а господин Андрэ, мой приемный отец и брат?..

– А помнишь командира де Вальпрэ, самого удалого из всех моряков?

– Передо мной снова оживает эта кровавая битва, которой закончилась экспедиция: капитан пиратов, один посреди огромной залы с коралловыми сводами, отливающими кровью при сильном блеске электрических фонарей... Вот он поднял карабин... целится в дощечку из толстого стекла, прикрепленную в глубине грота, и кричит громовым голосом: «Вот где могила бандитов моря!» Раздался оглушительный выстрел... Стекло разлетелось вдребезги. Вода хлынула в грот, поглощая убитых и раненых, друзей и врагов. Затем звуки рожка... Отступление...

– Да, отступление, только после победы.

– Однако, Фрикэ, ты смущен, дрожишь... Почему? Разбойников уничтожили. Андрэ стал другом командира, ты моим, и все остались довольны. Правду сказать, тяжелая досталась вам обоим работа, особенно если учесть, что на военном корабле вы были простыми пассажирами. Без вас не одержать бы нам победы!

– Да я нисколько не смущен, это тебе просто показалось, а все же меня сильно беспокоит одно обстоятельство, и скрывать его я не буду: меня томит предчувствие, что враги наши не погибли. Шайка бандитов моря очень многочисленна, организация ее хорошо продумана, и мне просто не верится, что она уничтожена без следа.

– Как не верится? Неужели ты думаешь, что этот проклятый корабль, способный в одно мгновение ока превратиться в бот или простую шхуну, приводимый в движение не паром, а какой-то чудодейственной машиной, скрывавший свою артиллерию, как какой-нибудь жалкий торговец трески, дьявольское изобретение, не поглощен морской пучиной?

– Потонул-то он потонул. Но было ли это следствием порчи? Сомнительно что-то. Кто может поручиться, что это чудо современного строительного искусства не было способно превратиться во что-нибудь новое, например, в подводный корабль?.. Повторяю, кто может поручиться, что из морской пучины он не vyplыл еще более крепким, еще более способным противостоять всякой опасности и по-прежнему не рассекает волн морских?

– Все возможно. Но все-таки старый мошенник, глава всей шайки, живший в Париже чуть не по-царски и бросившийся в водосточную трубу, убегая от преследований полиции, вознамерившейся посадить его в тюрьму за все проделки, – этот-то уж наверняка погиб!

– Да, говорят, что после грозы в водосточной трубе, соединенной с домом, в котором жил этот предполагаемый главарь бандитов, был найден труп с лицом, изъеденным крысами и ставшим неузнаваемым. Ты думаешь, это был он?

– Гром и молния! Пожалуй, ты прав! Но тогда, если это была ошибка, нам придется все начинать сначала.

– Без сомнения, и вдобавок при неблагоприятных обстоятельствах: сейчас мы в самом плачевном положении. Бедность-то наша – еще куда ни шло, но вот беда: мы не одни.

– Да, у нас на шее ребенок. Бедная малютка!..

– Ты не забыл ее?

– Что с тобой! – воскликнул Пьер де Галь. – Мне позабыть это милое существо! Она стоит, как живая, передо мной с длинными белокурыми косами и голубыми, как это дивное небо, глазами... У меня в ушах и сейчас звучит милый голос, тихо нашептывающий слова утешения: «Мой милый Пьер, да ведь вы тоскуете по морю, ступайте туда и поскорее возвращайтесь назад. Мне будет тяжело расстаться с вами, мне будет очень скучно без вас, но я буду писать вам. Для моряка тоска по океану то же, что для нас тоска по родине. Я понимаю, я чувствую вашу тоску, не даром я дочь моряка»... Ах! Музыка такая, как эта, мне приятнее шума волн и команды на море, она нежит мой слух и живет вот здесь! – закончил Пьер, ударяя могучим кулаком в грудь.

– Дочь моряка, – печально ответил парижанин, – она глубоко убеждена, что отец ее был честным человеком, вполне достойным имени матроса, и не ведает, что он затоптал это имя в грязь, сделавшись пиратом.

– Она! Бланш! Дочь Флаксана, главаря бандитов моря! Хорошо еще, что только мы знаем эту ужасную тайну и никогда не выдадим ее. Наша маленькая сестренка Бланш будет счастлива.

– Отец ее умер, раскаявшись. Вина его прощена. Ты прав: дитя будет счастливо...

– Да, забота о ее счастье тяжелым гнетом лежит у меня на сердце. Чем больше я думаю об этом, тем неестественнее мне кажутся все последние несчастья. Господин Андре разорен, доктор тоже, у командира осталось только его жалованье, на которое он должен содержать мать и сестру. И все это случилось меньше, чем за два года. Господин Андрэ, желая поправить свое

расстроенное состояние и оставить что-нибудь своей приемной дочери, организовал на последние средства компанию «плантаторов-путешественников» в Суматре. Мы встретились с ним перед отъездом, он пригласил меня, я согласился; ты был тогда в Тулоне, куда тебя вызвали, и мы отправились в обществе доктора. Поначалу все шло хорошо; но потом мы поплыли в Макао искать работников. И эта прогулка при совершенно ясной погоде сводит нас с бандитами моря; на нас нападают, грабят и, вдобавок, запирают. У нас отняты все возможности действия, и мы втроем, третий чуть не дитя, сидим сложа руки на неизвестном подводном рифе, недалеко от берегов Новой Гвинеи.

– Уж не думаешь ли ты, – смущенно возразил Пьер, – что последнее наше несчастье – дело рук наших врагов?

– А почему бы и нет?

– Мы теряем время по пустякам; пора, наконец, взять реванш. Нам необходимо во что бы то ни стало и как можно скорее возобновить наше прерванное плавание, добраться до цивилизованных стран, бороться, энергично бороться с несчастьями...

Пробыв на пустынном острове до полудня, путешественники спустили пирогу на воду и, запасшись черепахами, вскоре оставили далеко за собой коралловый риф, кратковременное пребывание на котором пробудило в них так много дорогих, полных драматизма воспоминаний.

Четыре дня они плыли, не встречая на своем пути ничего, кроме нескольких больших земель, отделенных от них группой островов, принимаемых Фрикэ за острова Антрекасто. Там обитали чернокожие, столь же гостеприимные, судя по проклятиям и угрожающим жестам при появлении пироги французов, как и жители острова Вудларка.

Высадиться на берег было невозможно, несмотря на огорчение Пьера, которому хотелось отдохнуть на земле, а главное, полакомиться чем-нибудь более питательным, чем дрянь, захваченная на скорую руку.

К Фрикэ снова вернулась обычная веселость, и он, позабыв невзгоды, бесцеремонно потешался над самим собой и над товарищами.

– Мой начальник Пьер, – говорил он, – сильно занят своим желудком. Пускай он подождет немного, и его угостят, как в самом лучшем бульварном ресторане.

– Гм! – злился добродушный моряк. – Бульвары! Ох, как далеко они от нас. А ты с такой охотой уничтожаешь эту дрянь, как будто она приготовлена из самой лучшей пшеничной муки...

– Дрянь? Вот как! – перебил его Фрикэ. – Дрянь! Эти кокосы, бананы... Да я у тетушки Шеве не видал ничего подобного.

– Молчи, бездельник; сразу видно, что в течение пятнадцати лет ты не умирал ни разу с голода.

– А разве ты не знаешь, что воздержанностью я превзойду и самого верблюда.

– Так чего ты хнычешь?

– Совсем не хнычу. Меня убивает лишь то, что мы почти не подвигаемся вперед, теряя время по пустякам. А это так невыносимо. Не правда ли, Виктор?

– Ui, messel, – застенчиво ответил молодой китаец.

– «Да, сударь, нет, сударь», нечего сказать, не разнообразен твой разговор, мой милый мальчик, – продолжал Фрикэ. – Нас здесь трое, и мы друзья, не так ли? К чему эти глупые церемонии? Отбрось ты их, как ненужную вещь. Зови каждого из нас просто по имени.

– Ui, messel.

– Говори Фрикэ, Пьер де Галь.

Бедный Виктор молчал, еще слово – и он, кажется, разрыдался бы.

– Да будет тебе, дурачок, ты видишь, что с тобой шутят. Хохочи вместе с нами. Называй нас, как тебе вздумается. Ты милый маленький человек, и мы оба любим тебя от души.

И старый моряк протянул Виктору мускулистую руку, а Фрикэ, глядя на него добрыми глазами, старался успокоить мальчика.

– Да ну, перестань печалиться. Мы дети Парижа... Париж это Пекин Франции, мы все от природы немного насмешливы, но зато мы люди сердечные, и если уж кого полюбим, – преданы ему, как пудель своему хозяину... Вот и опять соврал: ну, какой смысл толковать о пуделе уроженцу страны, где все собаки голые, как череп педагога... А! Господин Пьер, настала, наконец, и ваша очередь полакомиться. Сейчас можно будет раздобыть кое-что и для вас. Вы знаете, что такое саго?

– Нет, не знаю.

– Ну, так узнаете. Примемся за приготовления к высадке на берег; через несколько часов мы будем в Новой Гвинее.

– Ты думаешь, что мы наконец у берега и наши странствования окончены?

– Я в этом уверен, если только, – хотя это, кажется, невозможно, – мы не сбились с пути.

– О, за это я ручаюсь.

– И я тоже. Тем более, что эта высокая цепь гор, так отчетливо вырисовывающаяся на горизонте, может выситься лишь на громадном пространстве. Но вот что хорошо: чем обширнее земля, тем реже она населена.

– И, конечно, людоедами.

– В большей части, конечно, да. Но нам, может быть, посчастливится не попасть к каннибалам. Все зависит от случая. Но все-таки такого приема, какой нам был оказан на острове Вудларке, нам нечего опасаться. Папуасы, населяющие этот материк, общаются с европейцами.

– Материк, ты говоришь?

– Мне кажется, что Новую Гвинею вполне можно так назвать, ведь после Австралии это самый большой остров на свете.

– Неужели?

– Если память мне не изменяет, он имеет четыреста лье длины и сто тридцать ширины, и поверхность его равняется сорока тысячам географических миль.

– Лакомый кусочек земли, нечего сказать.

– Но, к сожалению, малоизвестный. Западный берег все-таки еще посещаем, там даже есть несколько голландских учреждений, но здесь ничего подобного нет.

– Вернемся к жителям...

– Жители, по мнению одних, помесь малайцев с эфиопами.

– По-моему, они не походят ни на тех, ни на других.

– В этом я с тобой согласен. Их делят даже на две категории: арфаки, или горцы, и папуасы, или береговые жители.

– Папуасы?

– Да! Ты, конечно, знаешь, что Новую Гвинею называют иначе Папуазией; название арфаки произошло, по всей вероятности, от цепи гор с тем же названием. Но считать поэтому, что жители внутренней страны тоже арфаки, пожалуй, будет немного рискованно.

– Какое нам дело до всего этого?

– Папуасы, или береговые жители, не помню где я читал о них, менее свирепы, чем горцы. Помнится, что жители деревеньки Дорей, где есть голландская резиденция, живут в согласии как с белыми, так и с малайцами, доказательством чего служит то, что когда путешественники или купцы пристают к берегу со стороны гор, папуасы с ужасом им кричат: «Арфаки! арфаки!»

– А далеко эта деревенька Дорей, жители которой связаны с цивилизованным миром?

– Около четырехсот лье отсюда на северо-востоке, а мы как раз находимся на юго-востоке.

– Ах, черт побери! Надо много времени, чтобы миновать этих арфаков.

– Мне кажется, лучше обойти всю эту местность и направиться прямо на Буби.

– Это еще что такое?

– Я уже говорил, что готовлю тебе сюрприз.

– Это очень любезно...

– Во всяком случае, пристать куда-нибудь необходимо. Надо отдохнуть от утомительного переезда с «Лао-Дзы» и запастись провизией... Я предлагаю вот что. Пристав куда-нибудь, мы выберем надежное место, куда и спрячем наше оружие, провизию и инструменты, – одним словом все, что нельзя взять с собой.

– В гротах не будет недостатка.

– Потом мы отведем нашу пирогу и спрячем ее так, чтобы о нашем прибытии сюда никому не было известно.

– Превосходно! Твой проект я вполне одобряю. Теперь остается только привести его в исполнение... Вот и земля... причаливай потише.

Высадка на берег обошлась без приключений, и план парижанина был приведен в исполнение. Когда пирога и ее содержимое были тщательно спрятаны и замечено место, чтобы можно было, когда понадобится, отыскать все это без лишних затруднений, путешественники, захватив с собой оружие, топор и пилу, удалились внутрь страны.

Через несколько минут они потеряли берег из виду и очутились, точно по волшебству, среди восхитительной флоры. Представьте себе скромный луг, прихотливо разукрашенный гигантскими роскошными растениями и фантастически разбросанным там и сям мелким кустарником. Мимозы, тропические растения, индийский дуб, мускатное дерево, коричневый лавр, хлопчатник, хлебное дерево, пальмы всех сортов, папоротники, бобовое растение с чудного цвета листвой, гигантские «не тронь меня», верхушки которых сплелись вместе и образовали вечнозеленый непроницаемый свод. Все усеяны крупными яркими цветами и перевиты ползучими лианами.

Любуясь этой восхитительной картиной, Фрикэ все-таки не забыл о необходимых мерах предосторожности. Проворно, одним взмахом топора он делал на стволе гигантских ятрышников чуть заметные зарубки.

– Это для того, чтобы отыскать дорогу назад.

– А вот это на завтрак, – быстро проговорил Пьер де Галь, делая выстрел по направлению кустарника.

Целая стая голубей с шумом вылетела из-под густой листвы, а попугаи, разбуженные этим непривычным шумом, наперебой тараторили и громко протестовали.

– Завтрак-то улетел от нас, мой старый дружище Пьер.

– Куда ты смотришь? Мой завтрак не сидел так высоко. А если бы ты видел, как он галопировал сейчас, подпрыгивая, как лягушка величиной с целого барана. Вот была потехато...

Пьер кинулся в кустарник и через минуту появился, волоча за ногу уродливое четвероногое, светло-серая шелковистая шерсть которого была пробита пулей.

– Погляди-ка, съедобно ли оно?

– Э! Э! Это съедобное. Счастливая у тебя рука для дебюта. Это прелестный кенгуру.

– Чудесно. Обдерем поскорее животное, а ты, чтобы не терять времени, разводи костер.

– Какое нетерпение...

– О, что касается до меня, я готов сейчас, пожалуй, съесть котлеты из слоновьего мяса, филе тигра, даже филе бешеной собаки, и им бы не побрезговал.

– А! Так вот он какой, кенгуру. Я очень рад за всех нас. Это пресмешное животное; задние ноги длиннее передних чуть не в шесть раз, хвост длиннее метра, а голова хорошенькая, как у газели.

– Ну, несчастные голодные, сейчас мы примемся за дележ добычи! Нет ни хлеба, ни вина, зато мяса вдоволь.

- Если б ты захотел подождать, можно было бы раздобыть и то, и другое.
- Подождать, когда я голоден, как корабельная крыса!.. Ты с ума сошел, мой милый!

Однако Пьеру недолго пришлось дожидаться. Костер ярко пылал, и кенгуру на тонком вертеле превосходно жарился, распространяя возбуждающий аппетит запах.

Фрикэ и Виктор, пока их друг с широко раздутыми ноздрями наблюдал за жарким, исчезли и вскоре вернулись, нагруженные, как мулы контрабандистов.

- Вот тебе и десерт, обжора. Бананы, манговые ягоды и ананасы. Ты доволен?
- Как адмирал.
- Так начнем обед, мы голодны, как волки.

Когда волчий аппетит был немного удовлетворен, Фрикэ, ко всеобщему удивлению не сказавший ни слова во время еды, заговорил первым:

– Сейчас, когда мы порядком подзакусили, друзья мои, если только вы захотите послушаться моего совета, займемся заготовкой провизии на будущее. Такой случай, как сегодня, редко выдается, тем более, что Полинезия, если верить путешественникам, страна, не богатая дичью.

– Что касается меня, – отвечал Пьер, – я готов сейчас делать все, что потребуется, даже хоть снова в открытое море. Ну, говори, что тебе нужно от нас, Фрикэ.

- Вот что. Наш бот может вместить две тысячи килограммов провизии.
- Матрос должен говорить «две тонны».

– Ну, положим, две тонны. Нам предстоит длинное путешествие. Кто может поручиться, что нам посчастливится снова удобно где-нибудь высадиться и раздобыть провизию? Значит, нам нужно сейчас же запастись ею, и притом в таком количестве, чтобы плыть вперед, не приставая к незнакомому берегу.

– Это очень хорошо, мой милый, но поручишься ли ты, что наш запас не превратится через некоторое время в гнилье?

– Поручусь... Мука, а также мясо и рыба, если только нам посчастливится запастись и тем и другим, сохранятся несомненно. Мясо и рыба сохраняются две или три недели, а мука месяцев шесть, а то и более.

– Что касается мяса и рыбы, пожалуй, ты прав. И то, и другое может быть и прокопчено, и посолено, но мука... где ты возьмешь муки?

– А саго?

– Ну!

– Мы отправимся сейчас на поиски саговых деревьев и завтра с рассветом примемся за сбор.

– Стало быть, саговое дерево то же, что и хлебное, плоды которого, вместо рыхлого теста, хотя и вкусного, содержат в себе чистую муку? Я припоминаю, что кое-что слышал об этом.

– Слышал-то ты слышал, да хорошенько не вслушался, мой милый дружище. Ствол дерева содержит в себе драгоценную массу, которая для жителей Полинезии то же, что маниок для обитателей тропической Америки; одним словом, она вполне заменяет хлеб. Почва здесь самая благоприятная для произрастания сагового дерева. Местность болотистая, болота солоноватые. Я уверен, что найду много саговых деревьев. Скорее в путь. Посмотри, видишь тот ствол, почти горизонтально пригнутый к земле и обернутый густой листвой, а на верхушке огромный букет цветов?

– Это и есть саговое дерево?хлопот нам будет не особенно много. Какой странный вид у этого дерева! И всегда они наклоняются так низко?

– На такой земле, как эта, совсем не редкость встретить целые кустарники саговых деревьев, просто вытянутые по земле. Впрочем, это ничуть не мешает ни силе роста, ни качествам питательной массы.

- Мы начнем сбор сейчас?

– Зачем? Скоро наступит ночь. Лучше займемся устройством шалаша в надежде на богатую добычу. С помощью нескольких тонких жердочек, искусно прикрепленных к двум деревьям, и восьми-десяти листьев сагового дерева нам, авось, удастся построить прекрасное помещение. Сбором займемся завтра.

Глава VIII

Матрос, потом дровосек и, наконец, мельник. – Хозяйственные принадлежности для приготовления муки у папуасов. – Различные блюда из муки. – Импровизированный котел может быть разорван. – Неожиданные, страшно голодные гости. – Два негра. – Типы людоедов. – Преимущество знающих малайский язык. – Неожиданное нападение.

Болтовня и свист попугаев, славивших восход солнца, разбудили троих друзей, проспавших целую ночь крепким, беспробудным сном.

– Живо за работу, дети мои! – вскричал Пьер, первым вскочив на ноги. – Солнце ярко блестит, топоры наши остры, и нам ничего не нужно, кроме проворства, чтобы сбор получился на славу.

– Как, – ответил парижанин, припоминая вчерашний голод своего друга и желание как можно скорее удовлетворить разыгравшийся аппетит, – как, натошак и за работу?

– Мой милый, не все коту масленица! Вчера за долготерпение мы были вознаграждены вдвойне, а сегодня за работу; закусим после.

– Будь по-твоему. Итак, живо. Тем более, что скоро наступит такая жара, что нам волей-неволей придется остановиться.

– Нет на свете стран хуже экваториальных, где солнце превращает тебя в какую-то тряпку, разжижает мозг, уподобляет его молоку кокосового ореха, мутит и свертывает.

– Да, немалая разница между этим горячим солнцем и тем благодатным, на котором весело зреют вишни Монморанси или поспевают виноград в Сюренах.

– Но все-таки нужно быть справедливым. Взгляни на эти гигантские деревья, прекрасные плоды, роскошные цветы; быть выкинутым сюда бурей – чистое благодеяние. Что касается меня, я предпочту скорее коптиться на солнце в соседстве кайманов или гремучих змей, чем замерзать и коченеть в Ледовитом океане.

– Я не спорю. Но ты должен сознаться, что долгие ночи, жаркие до одурения, расслабляют и душу, и тело. Ночь тянется двенадцать часов, а наступит день – работать придется от шести до девяти утра и от трех до шести вечера, а все остальное время, то есть восемнадцать часов в сутки, жариться, как в пекле.

– Пора, за работу скорее.

– Идем, и чтобы не тратить попусту драгоценного времени, я займусь, с твоего позволения, распределением работы. Первым делом надо срубить это кокосовое дерево и обобрать с него дюжину орехов, еще не совсем спелых.

– Готово! – ответил Пьер, ударив топором пять или шесть раз по тонкому стволу, со стоном повалившемуся на землю.

– Видишь волокнистый мешок из тонких нитей табачного цвета, обрамляющий у основания придаток каждого ореха?

– Конечно.

– Он-то и послужит нам ситом при сборе саго. Смотри, снимай мешки осторожно, не разрывая их.

– Вот так.

– Теперь каждому из нас нужно запастись толстой дубиной.

– Это легко. На изготовление каждой пойдет не больше пяти минут, и через четверть часа все три будут готовы.

– Ладно, а теперь выберем дерево. Вот это, мне кажется, самое подходящее. Оно и не высокое, и не толстое: всего шесть метров в высоту, один метр двадцать пять сантиметров в диаметре, и полно превосходной муки, судя по золотистой пыли, обильно покрывающей листья у основания.

- Надо разбирать его на части.
- Сейчас. Но сначала надо приготовить ступку, пестики у нас есть.
- Верно. Но где ты возьмешь необходимую нам ступку?
- Ступка у нас есть, но... занята пока.
- Ничего не понимаю!
- А это очень просто. Толщина дерева не больше трех сантиметров; проводи легонько пилой вокруг ствола, отложив двадцать пять сантиметров от земли.
- Ах, черт возьми! Какое плотное дерево!
- Хорошо, что не слишком толстое. Вот оно и отделилось от пня. Взгляни-ка на массу, наполняющую оба ствола.
- Она цветом похожа на кирпич.
- Это только внизу; чем выше, тем она белее. Несколько ударов пестиком живо обратят в пыль то, что наполняет пень.
- Наконец и я догадался. Пень сагового дерева и послужит нам ступкой. Фрикэ, ты просто волшебник.
- Теперь, когда мы запаслись необходимой посудой, нам надо разжиться корытом и корзинами.
- Выделкой корыта мы займемся сами. Виктор примется за изготовление корзинок. Эти гигантские листья могут легко превратиться в корзины, в каждую из которых свободно уместится двадцать килограммов муки. Края листьев на редкость прочные; что касается прожилок на них, мы постараемся употребить и их в дело.
- Ну-ка, Виктор, сделай нам каждому по корзине.
- С удовольствием.
- Корыто, которое нам придется тащить на берег ручейка, весело журчащего, если не обманывает меня слух, недалеко, мы сделаем из дерева, вырубленного с другой стороны ствола, около самого букета цветов.
- Приготовлением корыта парижанин занялся лично и, надо отдать ему должное, с большим искусством. Используя топор, пилу и абордажную саблю, он искусно содрал с дерева полукруглую широкую полосу коры, которую затянул сеткой, сделанной из волокон мешка, покрывающего у основания придаток кокосового ореха.
- Вот и корыто, вдобавок, снабженное ситом. Ну, Виктор, как твои корзины?
- Сейчас, Фрикэ, сейчас! Мой сделал уже две, скоро будет готов и третий.
- Разобьем наше дерево на куски не длиннее метра и займемся добычей питательного вещества.
- Сколько надо предварительных работ, чтобы получить эту плотную массу, так похожую на сушеные яблоки. А руки не завязнут в ней, как в только что сбитом масле?
- Попробуй.
- Силач-матрос проворно засучил рукава рубашки, обнажив руки атлета с мускулами, крепкими, как толстые веревки.
- Я буду выгребать оттуда содержимое так же, как выгребает бретонская хозяйка сливочное масло из маслобойной кадки.
- Фрикэ насмешливо улыбался.
- Пьер де Галь запустил обе руки в плотную массу, с силой рванул и... стыдливо опустил глаза, понимая бесполезность дальнейших усилий.
- Жалкий хлебный подмастерье! – выругался он, делая гримасу. – Тесто прикреплено к квашне.
- Именно прикреплено, – засмеялся Фрикэ. – Посмотри, – продолжал он, тихонько разгребая саблей мучнистую пыль и обнажая тонкие древесные волокна, горизонтально пересекающие мягкое вещество, – видишь эти тонкие бечевки?

– Да, да, вижу! Чем же уничтожить эти проклятые веревки, так прочно укрепленные в стволе?

– Для этого у нас есть дубинки. Мы начнем толочь эту плотную массу, надорвем волокна, и мука посыплется прямо в ступку.

– Хорошо, а потом?

– Начнем работу по порядку. А там увидим.

И оба друга, замечательные силачи, вооружились длинными пестиками и принялись усиленно толочь плотную массу, которая, превращаясь в порошок, посыпалась в изобилии в приготовленную ступку.

Цилиндр, минуту назад полный питательным веществом, был совершенно пуст; его стенки оказались не толще трех сантиметров и своей пустой формой он напоминал водосточную трубу.

– Поступим так и с другими кусками дерева, превратив их содержимое в грубую муку. Потом, хорошенько промыв ее, решим, что делать дальше.

– Эта работа не кажется мне ни трудной, ни утомительной. Это удовольствие: запастись так быстро съестными припасами, употребив так мало труда.

– И вот что бесконечно удивляет меня: дикари, обитающие в этих благодатных странах, имеющие в изобилии рыбу и дичь, способные питаться и тем, и другим с прибавкой этой муки, все-таки предаются канибализму.

– Даже самый плохой работник, каким является любой из этих лентяев-дикарей, может свободно, затратив на работу не более шести дней, сделать полный запас на год.

– Просто отказываешься верить: в наших краях самые искусные рыболовы и землепашцы, работая усиленно в течение года, еле успевают обеспечить себя на полгода.

– Да, – ответил Фрикэ, тяжело вздыхая, – когда я подумаю о своей жизни, полной труда и лишений, то не могу удержаться, чтобы не воскликнуть: «Как счастливы жители жарких стран!»

– Давай считать так, – продолжал он, не переставая толочь муку. – Дерево, такое, как это, семи метров в высоту и один метр тридцать сантиметров в диаметре, может дать тридцать таманов, или свертков, по пятнадцать килограммов каждый. Из каждого тамана можно приготовить шестьдесят пирогов, весом каждый в четверть килограмма. Двух таких пирогов достаточно для обеда, а пяти – на целый день. Эти восемнадцать сотен хлебов, весящие все вместе четыреста пятьдесят, в то и все пятьсот килограммов, могут кормить круглый год и, вдобавок, достанутся без особого труда, ведь два работника могут управиться с деревом за пять дней, а две женщины за то же время могут напечь хлебов. А так как крахмал сохраняется превосходно и в сыром виде, то меньше чем за десять дней можно сделать запас на целый год.

– Ну, после этого нечего удивляться, что дикари так любят бражничать. Такой легкий способ прокормиться может породить самую убийственную лень.

– Черт побери! Да, вдобавок, в этих странах, совсем диких и пустынных, такая работа менее трудна, чем в странах, до некоторой степени цивилизованных, как, например, на Молуккских островах, Сероме, Мальдивских островах, Суматре и Амбоине, называемых «странами саго», где добывается и откуда вывозится большая часть этого драгоценного питательного вещества, которое в таком большом ходу в Европе.

Этот дешевый способ пропитания имеет самые плачевные результаты. Жители довольствуются добавкой небольшого количества рыбы к готовой муке, а все свободное время, которого у них излишек, употребляют на грабежи или рыбную ловлю около соседних островов. Они не считают нужным возделывать землю и влачат жалкое существование, несмотря на плодородие почвы.

– Если твой расчет верен, мой милый, – а я ему вполне доверяю, – нам, чтобы обеспечить себя на три месяца, придется поработать всего полтора дня.

– Верно, и нам вовсе не нужно работать через силу, тем более, что самое трудное уже сделано. Сегодня после полудня мы перенесем все собранное в корзинах, приготовленных Виктором, к ручью и промоем.

– Как?

– Очень просто. Мы установим корыто на берегу реки, выбрав место поглубже, наполним его водой и, просеивая муку сквозь сито, отсеянное будем старательно размешивать в воде, чтобы крахмал поскорее разошелся и упал на дно. Вся дрянь, не годная к употреблению, останется на поверхности воды. Крахмал разойдется быстро и образует густую массу; когда она плотно уляжется, ее надо будет процедить, дать стечь воде и просушить в тени. А чтобы избежать лишних хлопот при погрузке, надо будет скатать ее в хлебы весом от десяти до двенадцати килограммов и тщательно завернуть в листья сагового дерева. Приготовленная таким образом, она не испортится долгое время.

– А все-таки счастливый случай занес нас сюда! Конечно, мы рискуем быть съеденными, но зато можем быть твердо уверены, что, отправляясь из этой благодатной страны в далекое плавание, не умрем с голоду.

Оставим троих путешественников заниматься своей работой и скажем еще несколько слов о саговой пальме и о саго, этой океанской «пшенице», превосходящей по своим качествам и питательности даже маниок, манну обитателей Южной Америки.

Листья этого дерева служат для различных целей. Жилки, проходящие посередине гигантского листа, могут с успехом заменить бамбук. Лист длинный, от трех до пяти метров, мясистый у основания, точно обтянут сверху тонкой кожицей, удивительно крепкой. Он годен для постройки шалашей и может служить вместо балок в зданиях, построенных из другого материала. Листья, расколотые и положенные плоско на накат, образуют пол. Подобранные одинаковой величины и формы, скрепленные вместе и гладко обтесанные, они заменяют доски и даже лучше последних, так как, кроме того, что стоят гораздо дешевле, они никогда не короятся, не требуют ни покраски, ни покрытия лаком, не плесневеют, не подвержены гниению и вдобавок могут противостоять страшным ливням тропиков. Поэтому-то этот прекрасный материал заменил в последнее время для европейцев при постройке жилищ в странах месторождения саго все остальные. Никакая постройка не может сравниться прочностью и красотой с этими шалашами ровного темного цвета, почти исключительно построенными из одних листьев саговой пальмы, укрывающей и питающей сотни тысяч людей.

Что же касается муки, она не столько полезна, сколько питательна; из нее можно приготовить разные пирожные. В сыром виде, прокипяченная один раз в воде, она образует студенистую массу, слегка вязкую, которую едят, добавив в нее соли, лимона и индийского перца. Сделанные же из нее маленькие пирожки превосходны, особенно если приправить их соком сахарного тростника и толченым кокосовым орехом. Блюдо выходит нежное и необыкновенно вкусное.

Верхушка саговой пальмы заканчивается огромным букетом, похожим на букет капустной пальмы. Срезанный кочан вместе с индийским перцем кладется в бамбуковый ствол толщиной в человеческую ногу. Бамбуковый ствол, плотно закрытый с обеих сторон, ставится на огонь. Когда этот импровизированный котел совершенно обуглится, что происходит через четверть часа, варево готово и с хлебом из саго чрезвычайно вкусно. Здесь необходимо упомянуть о маленькой предосторожности, соблюдение которой необходимо при приготовлении этого вкусного блюда. Во время варки нужно держаться от костра подальше, потому что иногда случается, что импровизированный котел разрывает, как бомбу. Неприятность бывает двойная: и нет обеда, и рискуешь ослепнуть.

И, наконец, пушок, покрывающий молодые листья, идет у туземцев на приготовление оригинальной материи, жилки – на изготовление несокрушимых снастей, из плодов готовится

хмельной напиток, очень приятный на вкус, и водка, чрезвычайно пьяная. Вот самое полное описание саговой пальмы.

Промывка муки и приготовление хлебов давно были окончены, и важная операция сушки, порученная Виктору, подходила к концу. Три друга, после кратковременного и благодатного пребывания в юго-восточной части Новой Гвинеи, помышляли о дальнейшем путешествии. Фрикэ и Пьер де Галь мирно беседовали, а молодой китаец, сидя под деревом, внимательно наблюдал за процессом сушки и усердно переворачивал крахмалистые хлеба, разложенные в тени. Парижанин, растянувшись на спине и задрав ноги, рассеянно следил за проказами попугаев, а моряк, лежа на животе и упершись подбородком на сложенные руки, продолжал интересную беседу, пересыпая ее вычурными выражениями, свойственными лишь ему одному.

Внезапный шум быстрых шагов и сдерживаемое дыхание запыхавшегося человека заставили их проворно вскочить на ноги. Фрикэ первый поднялся и схватил саблю, моряк вооружился дубиной, служившей для разбивания саго.

Это был Виктор, страшно перепуганный; он позеленел от страха, рот его искривился, глаза расширились. Китаец кинулся к товарищам и пальцем показывал на густую зелень, которую он только что раздвинул. Бедный мальчик не издал ни звука. Тело его испуганно сжалось, но сильная воля не изменила ни на одну минуту.

– Виктор, – тихо обратился к нему Фрикэ, – что с тобой? Ты весь дрожишь. Уж не наступил ли ты на хвост змеи или не увидел ли тигра, пожелавшего впустить острые когти в твои икры?

– Нет, мсье, – пролепетал он, – нет... не дикий зверь... дикари... там.

– Дикари!.. А сколько их?

– Двое.

– Только двое? Ну, не стоит так волноваться из-за таких пустяков, мой милый малютка. Ты позеленел от страха и похож сейчас на незрелый лимон.

– А где они, эти дикари?

– Там... в лесу.

– Кто там? – громко произнес парижанин. – Покажитесь, пожалуйста.

Это вежливое приглашение, произнесенное любезным тоном, имело полный успех.

Густые ветви раздвинулись во второй раз, и перед путешественниками предстали два странных существа. При виде вооруженных людей они сначала смутились, несмотря на то, что сами были вооружены с ног до головы. Фрикэ, заметив их миролюбивое настроение, швырнул на землю саблю и, весело улыбаясь, пошел им навстречу.

– Ах! Черт возьми! – проговорил он насмешливо. – Да они уродливы, как обезьяны, и грязны, как корзинка старьевщика.

– Ну, это уж чересчур, – возразил Пьер де Галь, – а все-таки ушат воды и мочалка им бы не повредили; впрочем, они явились сюда, по-видимому, с добрыми намерениями. Добро пожаловать, дорогие гости!

Дикари, пораженные этим потоком слов, не двигались с места. Среднего роста, около одного метра шестидесяти сантиметров, с медными браслетами на руках и ногах, с кольцами, продетыми в ноздри и уши, они были и смешны и жалки.

От их тела, покрытого густым слоем грязи, и ног, сверху донизу в ссадинах, распространилось такое зловоние, что стадо кайманов пришло бы в неопишемую радость.

Несмотря на раны и комки грязи, их темное, мясистое, желтоватое тело было сильно и крепко, но красотой и пропорциональностью сложения они уступали настоящим папуасам. Колена их были искривлены, ступни совершенно плоски, шея необыкновенно коротка. Что же касается головы, она существенно отличалась от головы антропофагов, населяющих остров Вудларк. Огромная, круглая, она казалась лишь слегка обрисованной совсем неумелым

художником. Брови большие и густые, как у человекообразных обезьян, из-под которых глядят маленькие злые глаза, толстый, приплюснутый нос, четырехугольные челюсти, сильные как у дога, и толстые мясистые губы, – одним словом, вся физиономия напоминала раздавленную маску.

Волосы их, слегка курчавые, были заплетены в мелкие косички и спускались на затылок, как колосья маиса; толстые круглые браслеты из меди украшали руки; у одного из дикарей в ноздри было продето огромное костяное кольцо, как-то странно окружавшее рот, у другого небольшая кость, продетая в ноздри, уродливо выворачивала их. Плечи и грудь были все испещрены голубыми и красными рубцами, – остатками давнишних татуировок.

Вооружение их состояло из копья в два метра длиной с бамбуковым концом, рукоятка которого была украшена огромной кистью, сделанной из перьев казуара, и лука из каштанового дерева с тетивой из индийского тростника. Стрелы совершенно прямые, тонкие, длинные, около одного метра пятидесяти сантиметров, были выточены из бамбука и оканчивались костью, от которой отходило во все стороны множество мелких косточек. Это оружие, если верить самым правдивым исследователям, страшно только внешне, так как папуасы весьма неискусные стрелки.

Оглядев с ног до головы троих друзей и оставшись совершенно довольными произведенным осмотром, они скорчили жалкую гримасу и похлопали себя по животу, желая показать этим характерным жестом, что голодны.

Фрикэ, сразу же понявший эту выразительную пантомиму, не замедлил ответить им:

– Вы явились к нам как раз вовремя. Вчера мы затруднились бы пригласить вас закусить; сегодня совсем другое дело, кладовая наша полна... Но лишние разговоры ни к чему, вот чем мы попотчует вас.

И он протянул дикарям целый сверток саго, остатки кенгуру и кабанов и огромный кусок капусты саговой пальмы.

Невозможно описать восхищения, отразившегося на физиономиях дикарей при виде столь обильного завтрака. Широкая улыбка пробежала по их мясистым губам, открыв двойной ряд зубов, белых как слонобая кость. Не теряя времени, два рта или, скорее, две пасти широко раскрылись, улыбка исчезла, и они принялись уничтожать все предложенное им с поспешностью, указывающей на невероятную крепость их челюстей. Это продолжалось четверть часа, в течение которых только и слышался скрип зубов, сопровождаемый беспрестанным морганием глаз, гримасами, кривлянием; ел не один рот, а вместе с ним и все существо дикаря. Наконец эта гимнастика кончилась, дикари наелись до отвала и довольным голосом протянули: «Ох!»

Затем они обменялись несколькими словами на неизвестном языке к неудовольствию Фрикэ, которому очень хотелось потолковать с ними.

Но вдруг, к его великой радости, Виктор, спрятавшийся в кусты при виде отвратительного обжорства, превозмог свой страх, приблизился и ответил им.

– Скажи, пожалуйста, разве ты говоришь по-папуасски? – спросил удивленный парижанин.

– Нет, Фрикэ. Дикари говорят по-малайски! А я понимаю этот язык.

– По-малайски? Они говорят по-малайски? Но, значит, недалеко есть какое-нибудь хоть немного цивилизованное учреждение. О, это может резко изменить наши планы.

Радость эта была, увы, непродолжительна. Вот что передал ему Виктор, переводчик очень усердный, но собственная речь которого требовала по временам разъяснений.

Эти два дикаря были из племени каронов¹³. Покинули они родину давно, очень давно. Когда они отправлялись в путь, их было много, но войско было уничтожено могуществен-

¹³ Кароны живут в северо-восточной части Новой Гвинеи, около Амбербаки, деревеньки, расположенной в семидесяти пяти лье от Дорей. Они не принадлежат к племени папуасов; это негрыты, которые приближаются к первобытным дикарям

ным неприятелем, жестоко преследовавшим их. Все их товарищи были съедены; они остались вдвоем, блуждая с места на место, как проклятые.

О присутствии негритов в Новой Гвинее только догадывались. Догадки эти стали фактом с 1876 г., благодаря одному из самых знаменитых французских исследователей, Ахиллу Раффраю.

– А мне кажется, – ответил Фрикэ, выслушав переводчика, пересказавшего ему ответы, – что одного беглого взгляда на их физиономии вполне достаточно, чтобы выдать им без предварительного экзамена диплом антропофагов. Спроси-ка у них, едят ли они человеческое мясо.

Этот вопрос заставил дикарей громко расхохотаться. Их отвратительные зверские физиономии осветились желанием отведать лакомого блюда, и они поспешили ответить утвердительно, как будто каннибализм был самой естественной вещью на свете.

– А много ли съели они людей?

Один из них скромно вытянул обе руки, показывая, что он участвовал в десяти таких обедах. Другой показал сначала обе ноги, потом и руки.

– Согласно арифметике, выйдет двадцать. Это славно. Станный способ оценивать социальные отношения и народонаселение страны.

Виктор после длинного разговора, сопровождаемого выразительной пантомимой, продолжал свой интересный перевод, из которого Фрикэ уразумел, что кароны решительно не позволяют себе бросаться на первого встречного. Они пожирают лишь трупы врагов, убитых на поле сражения.

– Тонкое различие, нечего сказать. А все же, кто знает, может быть, самым существенным мотивом этого чудовищного зверства служит постоянный голод.

– А саго? – внушительно перебил Пьер де Галь. – Им лень нагнуться и взять... Им лень приняться за эту работу, хотя за десять дней можно сделать запас на весь год.

– Я не имею целью оправдывать, но...

Пронзительный свист прервал речь парижанина, и длинная стрела вонзилась в ствол банана как раз над головой карона.

Бедный дикарь задрожал от страха и упал на землю.

Пьер и Фрикэ схватились за ружья и стали в оборонительную позицию.

– Ну, – пробурчал парижанин. – Мы были спокойны в течение нескольких часов. А теперь снова готовится резня.

Дикий вопль раздался в огромном лесу. Ветки гигантских деревьев, беспрестанно раздвигаемые, гнулись во все стороны.

Глава IX

Нашествие папуасов. – Пьер де Галь и Фрикэ приняты за антропофагов. – Начальник дикарей Узинак. – Ресурсы парижанина. – Инструментальный концерт. – Страсть папуасов к музыке. – Уроженцы Новой Гвинеи не нуждаются в продолжительном сне. – Chef d'oeuvre морского строительного искусства туземцев. – Невольничество в Папуазии. – Горцы и береговые жители. – Различие в темпераменте и привычках. – Деревенька, выросшая на озере. – Вход в воздушное помещение. – Дома с решетчатым полом. – Опасность поскользнуться. – Хождение по узкому коридору требует большого искусства.

Дюжина папуасов, вооруженных луками и стрелами, выскочила из леса и мгновенно окружила двух каронов, физиономии которых выражали смертельный ужас. Европейцы, верные своей привычке никогда не нападать первыми, как люди мирные и уверенные в своей силе и храбрости, не двигались с места. Дикари, рассчитывавшие, что будут иметь дело с одними каронами, при виде белых на миг смутились. Казалось, их странно поразило присутствие европейцев в таком месте и в таком обществе.

Они переговорили между собой словами и жестами. Заметив полное спокойствие парижанина и бретонского моряка и их готовность каждую минуту отразить нападение, а также вид двух ружей, употребление которых, по-видимому, папуасам было хорошо известно, они обратили свой гнев против жалких обезьян-негритов, сделавшихся от ужаса пепельно-серого цвета. Подобно дикому зверю, попавшемуся в западню, эти двое не пробовали и защищаться; страх парализовал и приковал их к месту.

Не обращая внимания на присутствие белых, папуасы тесно столпились вокруг каронов, согнули их назад за волосы и взмахнули над головой «реда», саблей, без которой папуас не выходит никогда и никуда и которая служит ему для самых разнообразных целей. Они намеревались отрубить каронам головы, но на выручку их кинулись Фрикэ и Пьер. Моряк, всегда методичный, с размаху сшиб с ног папуаса и схватил на лету руку, державшую саблю, Фрикэ ловким ударом ноги уложил на спину другого.

– Давненько-таки я не упражнялся в фехтовании. Этот ловкий удар поразомнет мне ноги, – промолвил он.

Неожиданное заступничество смутило черных, и, как это ни покажется странным, поступок этот не ожесточил папуасов, как следовало ожидать, а только сильно изумил. Пока виновники неудавшегося покушения медленно поднимались на ноги, порядком сконфуженные, а остальные воины боязливо пятились назад, дикарь, казавшийся их вождем, опустил копье и обратился к европейцам на незнакомом языке.

Речь была длинная и сопровождалась самыми дикими жестами. Оратор указывал на каронов, продолжавших дрожать от страха. Он дал понять, что им надо отрубить головы, потом широко открыл рот, переводя глаза с белых на негров.

– Черт побери, – проворчал наконец Фрикэ, смеясь и одновременно сердясь. – Кажется, этот негодяй принимает нас за антропофагов.

– Это ни на что не похоже, – озлобленно ответил Пьер де Галь. – Ну, стоит ли быть образцовым матросом, питаться в течение тридцати лет сухими турецкими бобами и соленой свининой, и все это для того, чтобы эти дикари насмеялись над нами подобным образом?

Фрикэ протянул руку за куском саго и принялся грызть его с большим аппетитом. Потом, указав на черных и собственный рот, показал жестом любовь к растительной пище и полное отвращение к человеческому мясу.

Дикарь, очевидно, не понял Фрикэ и истолковал его жест так, что парижанину было не по вкусу человеческое мясо в соединении с саго.

– Да я не настолько глуп, как ты думаешь! Теперь он воображает, что я люблю говядину без хлеба. Как бы мне заставить этого скота папуаса понять?

Разговор затягивался и, казалось, начинал принимать дурной оборот, потому что черные воины, теперь совершенно оправившиеся от испуга, потихоньку брались за оружие, готовясь к внезапному нападению.

Но на этот раз спасителем явился опять тот же маленький Виктор. Смекнув, что, если не вмешаться, им грозит страшная беда, он, к удивлению своих товарищей, смело подошел к начальнику дикарей и заговорил с ним медленным и ровным голосом, визгливостью напоминавшим болтовню попугая.

Виктор говорил долго и таким убедительным тоном, что друзья его не верили своим ушам. Аргументы, приводимые им, должно быть, ясно говорили за себя, потому что, о чудо, хмурое лицо начальника озарилось вдруг светлой улыбкой, он отшвырнул оружие и протянул по-европейски руку изумленному парижанину. Пьер, не менее удивленный, поспешил ответить на это неожиданное выражение учтивости, и все воины, желавшие, вероятно, только мирного окончания дела, тоже приблизились с выражением самой искренней дружбы.

– Так вот что! – обратился Фрикэ к восхищенному китайцу. – Уж не говоришь ли ты на всех языках, милый малютка?

– Нет, Фрикэ, они тоже говорят по-малайски. Очень холосо по-малайски. Они знают много европейцев.

– Но о чем же он толковал нам перед этим?

– Увидав нас с антропофагами, – отвечал молодой китаец на своем наречии, – папуасы вообразили, что мы их союзники и разделяем с ними их отвратительные привычки. Начальник говорил вам, что там, далеко, где солнце заходит, он видел белых, одетых и вооруженных, как и вы; но эти белые были добры и приветливы, убивали только кровожадных зверей и ловили птиц и насекомых. Они, дикари, служили им проводниками и научились любить и уважать их. Ошибка в отношении нас произошла оттого, что они видели, как мы делили трапезу с каронами, которые почитаются здесь за людей вредных и которых надо всеми силами истреблять. Что же касается их, – они люди хорошие, мирные. Они, пожалуй, с удовольствием перережут горло своему недругу, но никогда не предавались каннибализму.

– Очень хорошо, но что они хотят сделать с нашими гостями, начинающими, наконец, приходить в себя после полученной горячей трепки?

– Отрубить им головы...

– Ну, скажите пожалуйста. Если этот храбрец... Спроси у него, как его зовут?

– Узинак.

– Если этот храбрец Узинак только что находил странным и непонятным то, что белые едят человеческое мясо, то передай ему от моего имени, что эти белые находят привычку черных крошить на куски себе подобных просто возмутительной.

– Он говорит, что это их правило.

– Надо изменить его, потому что, пока жив, я не позволю, чтобы два существа, которых я приютил под моей кровлей... кровли, собственно, нет, да это все равно... которые сидели за моим столом... стол – земля, но так всегда говорится... были подло зарезаны.

– Он согласен, но просит бус и ожерелья.

– Скажи ему, что он многого хочет. Сейчас я не богаче нищего, который потерял все.

Узинак не верил своим ушам: как, белые приехали в страну папуасов, не имея ни бус, ни тканей, ни ожерельев? Что же они делают здесь? Разве они не собирают насекомых, не ловят солнечных птичек?¹⁴

¹⁴ Райские птички. – Прим. перев.

– Передай ему, что у нас ничего нет, но если он отпустит каронов, я сделаю ему великолепный подарок.

– Ты, кажется, много обещаешь, мой милый, – заметил Пьер де Галь.

– Вовсе нет. Разве ты забыл, что у нас есть одна или две красные рубашки? Дикарь будет в восторге.

Черный вождь, обрадованный обещанием, повернулся к каронам и торжественно произнес по-малайски:

– Честное слово белых порука за вас. Белые никогда не вдали... Идите!

Два каннибала, пораженные таким счастливым исходом дела, молча поднялись и, подпрыгивая, как кенгуру, исчезли так быстро, что только пятки засверкали.

Фрикэ, не меньше их довольный, предложил своим новым друзьям перекусить в ожидании ужина. Предложение его было принято с восторгом, ведь желудки папуасов почти всегда пусты. Закусывание длилось вплоть до ужина, украшенного двумя кенгуру, очень кстати застреленными Пьером де Галем. Когда наступила ночь, зажгли огромный костер, вокруг которого усадились папуасы, большие охотники до всяких забав и страстные любители поболтать.

Вести разговор, конечно, было нелегко, потому что вопросы и ответы передавались через посредника, говорящего по-французски пополам с китайским, но беседа не была вялой благодаря различным комментариям словоохотливых переводчиков. Весь вечер оживлял Фрикэ. Парижанин хорошо знал страсть всех дикарей к музыке, папуасов особенно. Хотя его голос нестерпимо фальшивил, пение было не что иное, как безбожное коверканье музыкальных сольфеджио, он все-таки сумел ловко выйти из затруднения, устроив инструментальный концерт.

Инструментальный концерт под 150° долготы на восток и 10° широты! Но веселый парижанин и тут не задумался. В тот момент, когда островитяне, усевшись, с поджатыми ногами в кружок на земле, тянули бесконечную и жалобную мелодию, посреди лужайки раздалась музыка, то живая и веселая, то протяжная и напоминающая звуки рожка, то вдруг переходящая в мелодию, чарующую слух, как пение соловья.

Восторг дикарей был неописуем. Игра талантливого музыканта была поистине изумительна. В совершенстве изучив свой таинственный инструмент, он извлекал из него сильные и в то же время удивительно нежные звуки. Прекрасная мелодия сменялась модной шансонеткой, шансонетка полькой и так далее и так далее. Он приступал к исполнению каждой музыкальной вещи с искусством знаменитого маэстро и с одинаковым успехом доводил ее до конца. Увертюра к «Вильгельму Теллю», шансонетки из «Прекрасной Елены», баллада короля Туле или хоры из опер лились безостановочно, чередуясь друг с другом. Любопытно было смотреть, как стонали дикари при звуках хора воинов из «Фауста», как плакали, слушая песенку «Розы», или пускались в пляс при звуках польки Форбаха.

Порядком устав, он вынужден был остановиться, несмотря на то, что ненасытные слушатели громко требовали продолжения концерта. Фрикэ пообещал непременно сыграть для них завтра, после чего мог, наконец, свободно растянуться под деревом и вкушать всю сладость сна. Пьер улегся рядом с ним в надежде услышать последнее слово этой музыкальной оргии.

– Удивительно!.. Поразительно!.. Ничего подобного никогда не слыхал. Да каким же образом? Уж нет ли у тебя в животе музыкального ящика? Ты не человек, а просто чудо.

Фрикэ захохотал.

– Можно подумать, что ты насмехаешься надо мной. Как будто ты не знаешь, что два куска коры, гладко выскобленные и завернутые в обрывок листа, представляют из себя инструмент, в который надо только дуть, твердо зная свой репертуар. Всякий уличный мальчишка Парижа слушал такие музыкальные пьесы не один, а десять раз... с высоты райка, который был для меня в дни представлений настоящим раем.

– А как выглядит сам инструмент?

– Да ведь я только что описал его тебе. Я научился играть на нем в те дни, когда повесничал на улицах Парижа. И какую же ругань прохожих и вой собак слушал я, изучая этот самодельный инструмент! Довольно, попробуем теперь заснуть. Пока все обстоит благополучно. Наша звезда верно служила нам до сих пор, и мы с избытком вознаграждены за оказанный нам прием на острове Вудларк. План наших будущих отношений с папуасами у меня готов. Удовлетворение их страсти к музыке заменит мелкий стеклянный товар. Спокойной ночи.

Но уснуть и погрузиться в мир мечтаний было совсем не так легко, как казалось сначала, и оба друга заметили, благодаря светлой ночи, как мало папуасы нуждаются в отдыхе. В самом деле, вместо того, чтобы растянуться на земле, они остались сидеть вокруг костра, болтая, смеясь, перебирая в памяти все события этого вечера и усердно припоминая мелодии примитивного инструмента парижского шалопа. Проспали они каких-нибудь два часа и, лишь только солнце позолотило верхушки гор, принялись рыскать по поляне.

Следующий день был посвящен просушиванию саго и загрузке пироги, отысканной в тайнике и выведенной на свет Божий черными, бесстрашными водолазами. Фрикэ подарил Узинаку совсем новую огненно-красного цвета рубашку, в которую храбрый начальник дикарей тотчас нарядился. Пьер пожертвовал, в свою очередь, алого цвета платок, разорвав его на полосы по количеству воинов. Дикари обрадовались этому подарку не меньше начальника и сразу же понаделали из этих лоскутьев ожерелья, громко прославляя щедрость европейцев, умеющих угостить и вознаградить своих гостей сообразно с положением и заслугами.

Так как в стране было изобилие саговых пальм, папуасы, пересилив свою врожденную, вошедшую в поговорку лень, заготовили громадное количество драгоценной муки. Отношения продолжали оставаться самыми дружелюбными благодаря веселому нраву парижанина, добродушию моряка и не прекращавшейся ни на минуту занятой болтовне с помощью Виктора.

Так Фрикэ узнал, что Узинак, уроженец севера Новой Гвинеи, пришел в эти отдаленные места, находящиеся от его деревеньки на четыреста лье, ведомый единственным желанием перекочевать с насиженного места на новое, желанием, обычным у народов примитивных рас. Случай занес его в племя дикарей, живущих на юго-востоке отсюда, на расстоянии восьми дней плавания. Благодаря своей храбрости, Узинак стал их начальником и сумел заставить повиноваться себе беспрекословно. Отправившись в путь две недели назад, они забрели в эту отдаленную часть острова поохотиться, наловить рыбу и собирались уже отплыть в обратный путь, когда увидели негритов, почитаемых ими за кровожадных зверей и всячески преследуемых.

Из этого рассказа парижанин хорошо запомнил лишь то, что деревенька, из которой отправились дикари, находится на юго-востоке.

– Bravo! Это и наша дорога, мы отправимся вместе.

– Да, да, непременно вместе, – добавил Пьер де Галь.

Приготовления к плаванию, были, наконец, окончены, запас саго туземцев перенесен на барку, так искусно скрытую в бухте, что европейцы и не подозревали о ее существовании.

Увидев это чудо морского строительного искусства папуасов, Пьер де Галь вскрикнул от удивления.

– Гм! – пробурчал в свою очередь Фрикэ. – Как тебе нравится этот адмиральский корабль?

– Неглупы наши союзники, очень неглупы. Пирога устроена просто-напросто из бечевки, и рыболовы Ла-Манша, если б увидели ее, не преминули воспользоваться этим хитроумным изобретением.

По красоте, легкости и удобству пирога представляет остроумнейшее изобретение из всех судовых построек подобного рода. Самые большие из них, так называемые пироги для дальнего плавания, имеют чуть не двадцать аршин в длину и два аршина в ширину. Такой была и та, которой, как знаток, любовался Пьер де Галь. Это скорлупа, выдолбленная из ствола

крепкого кедрового дерева, чрезвычайно легкая на ходу; несмотря на большие размеры, толщина ее не больше четверти вершка, а для того, чтобы она не переломилась и не перекашивалась, она снабжена изнутри откосными подпорками. Красиво приподнятая на носу широким деревянным водорезом, она смело рассекает волны и быстро несется вперед.

Пирога может делать крутые и быстрые повороты, отнюдь не уменьшая скорости хода, и не может опрокинуться. Две трети ее покрыты крышей из листьев, поддерживаемой легким срубом, назначение которой – защищать экипаж от палящих лучей солнца. Носовая часть отделана широкими досками, положенными вертикально. Доски украшены вычурной резьбой в виде листа, или человека, или зверя. В этом украшении богатая фантазия примитивных детей природы проявилась полностью.

Что касается мачты, то внешне это одна из самых наивных выдумок и, на первый взгляд, кажется лишенной малейшего смысла. Представьте себе огромные козлы, служащие плотникам для обстругивания досок, которые вместо двух подпорок имеют три. Замените тяжелые куски дерева тремя бамбуковыми жердями, легонько прикрепленными к передней части пироги, и вы будете иметь представление об этой мачте без рей, ванты и штога. Кроме того, что ее можно поставить или спустить без труда, она обладает еще одним несравненным качеством: не оказывает сопротивления ветру и не мешает усилиям гребцов. Если подует попутный ветерок, сразу же ставится широкий парус – просто-напросто большая рогожа, сплетенная из пушка, покрывающего молодые листья саговой пальмы, или из самых тонких листовых жилок. Этот парус, скатанный вокруг бамбуковой ветки, имеет в длину шесть метров, в ширину два и распускается самым обычным способом. Если ветерок свежее, достаточно ослабить средний канат, поддерживающий рею наверху мачты, – и парус опускается. Руль – длинное, с широкой лопаткой весло, привязанное к задней части пироги волокнами индийского тростника, им черномазые управляют необыкновенно ловко.

Пирогу европейцы привязали к пироге папуасов. Потом наши друзья, счастливые, как потерпевшие кораблекрушение и отправляющиеся искать более гостеприимную страну, удобно разместились на гребном судне дикарей, торжественно названном адмиральским кораблем.

Парижанин мечтал увидеть где-нибудь французский флаг, поднятый, как читатель помнит, со времени отъезда с «Лао-Дзы». Хотя корабли цивилизованных народов редко переплывают эти неизведанные моря, Фрикэ все-таки надеялся, если такой попадется, обратить на себя внимание экипажа. Почему, в самом деле, не попытать счастья? Кроме того, эти места изобилуют, по словам Узинака, пиратами-папуасами, совершающими набеги на берега и грабящими окрестные села. Они бесцеремонно нападают на рыболовов и уводят их в рабство. Только флаг, указывающий на людей цивилизованных и располагающих огнестрельным оружием, удерживает дикарей от грабежей и буйства.

При слове «рабство», переданном Виктором, Фрикэ наострил уши.

– Как? В Папуазии есть невольники? Неужели дикарям недостаточно одной общественной язвы – каннибализма? – спросил он у Узинака.

Начальник захохотал и дал следующий ответ:

– Папуасы не все антропофаги. Доказательство этого, например, береговые жители. Что же касается горцев, о, это другое дело. Береговые жители – люди смирные, гостеприимные, любят кочевать с места на место и питаются тем, что дает им рыбная ловля и саговое дерево. Горцы, напротив, ведут оседлую жизнь, охотятся, разводят иньям, сахарный тростник и так далее. Они сильны, свирепы и каннибалы.

– Здесь, как я вижу, – заметил Фрикэ, – все наыворот. Чуть не во всех странах света землепашцы обычно смирные, береговые жители сущие разбойники. Не так ли, Пьер?

– Совершенно верно, мой милый; но все-таки это не так странно, как кажется. Ты забываешь, что мы у антиподов и мир здесь стоит вверх дном.

– Bravo, – засмеялся Фрикэ, – ты первый угадал причину.

– А что касается невольников, – объяснил Узинак, – сам увидишь, что мы с ними хорошо обходимся.

– В этом я не сомневаюсь, мой храбрый папуас, и эта надежда отчасти мирит нас с половиной населения громадного острова Океании.

Плавание тянулось без особых приключений уже целую неделю, приостанавливаясь только в безлунные ночи. Тогда пироги приставали к берегу, путешественники располагались лагерем неподалеку от них и с рассветом снова пускались в путь. По пути им не попадались корабли, принадлежащие цивилизованным странам, зато бесчисленное множество пирог, зачастую с весьма подозрительным экипажем, пересекало дорогу наших друзей и их союзников. Однажды случилось даже, что одна из сомнительных пирог попробовала было внезапно напасть на них. Приблизившись на расстояние человеческого голоса, люди чужого экипажа быстро сорвали на своей пироге крышу из листьев, мешающую натянуть лук. Это означало не пустое любопытство, а пахло наглым нападением. Фрикэ, проворно схватившись за ружье, послал в их сторону пулю. Успех был необыкновенный: черные зачинщики ссоры мигом водрузили крышу на место, что, по выражению Пьера, было равносильно закрытию пушечного люка, и быстро удалились в противоположную сторону.

На восьмой день около полудня пирога вошла в узкий пролив, мелководный и униженный коралловыми рифами, мешающими плаванию до такой степени, что несколько человек вынуждены были сойти в воду и тащить пирогу веревками. Но вдруг этот узкий мелководный пролив стал глубже и превратился в лиман, окаймленный с двух сторон густым кустарником.

Лиман этот не мог быть ни чем иным, как устьем реки. На это указывала глубина и внезапно изменившийся цвет воды. В этом месте имелся как бы разрез в коралловой скале, потому что полипы, погибшие от смеси пресной воды с соленой, оставили свободным доступ к берегу.

Солоноватая вода, гибельная для кораллов, способствовала росту корнепусков, «деревьев лихорадки», как называют их туземцы. Болотистая местность этих стран сплошь покрыта растением, распространяющим вокруг смертельную заразу.

Пирога проходила в это время мимо целого ряда судов всех размеров, начиная с самого большого и кончая крошечной душегубкой, способной везти только одного гребца. Крики радости встретили появление белых, и приветствия огласили воздух.

Середина реки была покрыта, как громадным букетом из зелени, множеством островков с извилистыми крутыми берегами. Поток воды терялся в широком бассейне, усеянном болотными растениями, в середине которого возвышалось с дюжину построек необыкновенно странной архитектуры.

На целом лесе свай от семи до восьми метров в высоту, между которыми сует в лодках веселая и болтливая толпа, воздвигнуты на расстоянии почти пятидесяти метров от берега громадные постройки двух совершенно различных типов, сооруженные целиком из дерева. Большая их часть имеет форму четырехугольника, покрытого громадной крышей, устроенной из листьев банана или кокосового дерева и напоминающей крышу пироги. Два дома, гораздо меньше других и стоящие от первых на некотором расстоянии, походят на огромные ниши, поддерживаемые четырьмя длинными жердями.

Фрикэ знаком спросил Узинака, что означает эта разница. Папуас ответил ему, что в этих нишах живут молодые люди возраста, в котором пора вступать в брак.

Почти половина домов соединена с берегом целым рядом бревен, положенных одно к другому и поддерживаемых в наклонном положении козлами. Устроено все так, что малейшего усилия будет достаточно, чтобы столкнуть этот импровизированный мост в воду и создать непреодолимую преграду между постройками и твердой землей. Другие же, совершенно изолированные от берега, стоят на сваях, к которым привязаны лодки. Фрикэ, пораженный этим новым и странным зрелищем, не верил своим глазам. Это-то и есть свайные постройки, откры-

тые в центре Африки и, по словам Ахилла Раффрая, одного из самых смелых и добросовестных французских исследователей Новой Гвинеи, очень похожие на «станции, растущие на озерах», которые существовали в доисторические времена и которые известны нам из описаний ученых, сделанных так верно, как будто они скопированы с натуры на островах Папуазии.

Пирога остановилась, и Узнак стал готовиться к подъему в свое воздушное жилище. Ни лестницы и ничего похожего не было. Папуас проворно карабкался по сваям, за ним следовали, с ловкостью белки, два француза и молодой китаец, восхищая папуасов смелостью и легкостью движений.

Трое друзей достигли, наконец, жилища папуасов.

– Странное помещение, – проговорил Пьер, взбиравшийся первым. – В нем есть все, кроме самого необходимого.

– О-ла-ла! – ответил Фрикэ. – Да здесь, должно быть, живут сумасшедшие. Каким образом, черт возьми, держатся они на этом полу и не падают в воду с перекадин, отстоящих друг от друга чуть не на метр... О милосердный Боже, как все это чудно!

Зрелище было поистине удивительное. Жилище папуасов, имеющее, как мы уже сказали, форму четырехугольника, представляло изнутри раму на сваях с накиданными на нее вдоль и поперек перекадинами, образующими открытые решетчатые отверстия в квадратный метр, точно колодцы. Такой пол являлся продольным узким коридором. Направо и налево устроены легкие перегородки из листьев и жилок саговой пальмы с семью или восемью дверями, ведущими каждая в комнату отдельной семьи. Наконец, с передней части, со стороны моря, дом оканчивался широким выступом, открытым со всех сторон, с крышей из листьев. Эта терраса, куда собираются днем семьи, населяющие воздушное жилище, подышать чистым воздухом. Под словом семья мы не понимаем только отца, мать и их потомство. И употребляем его в самом широком смысле и разумеем под ним людей близких, а также невольников, одним словом, всех, кого общая нужда соединила вместе.

Каждая отдельная комната предоставлена во владение одной семьи, и нередко случается, что в обширном воздушном помещении живут вместе пятьдесят или шестьдесят мужчин, женщин и детей, за исключением молодых людей, помещенных в отдельных домах.

Все дикари в костюмах праотцов, грязные и вонючие, важно стояли на перекадинах, дружески приветствуя европейцев.

Если внешний вид свайной постройки был странен и оригинален, то внутренность помещения превосходила все ожидания. Фрикэ и Пьеру де Галю казалось, что они просто-напросто попали на совет нечестивых, так здесь было все грязно, скверно и неудобно. Мебель состояла из накиданных там и сям веток, рогож, коры бамбука, лохмотьев и листьев, готовых, казалось, каждую минуту упасть в море, и беспорядочно набросанных на решетчатые отверстия нескольких досок, добраться до которых представлялось неискусному гимнасту делом невозможным. Одни доски служат вместо кроватей, другие очагом. Подстилка из листьев на первых заменяет матрацы, а толстый слой земли, покрывающий другие, служит очагом. Съестные припасы, когда они невозможны для еды в сыром виде, жарятся и варятся в золе. Копья, стрелы, остроги, весла виднеются всюду, кроме того, несколько цилиндров, и это все.

Окинув быстрым взглядом эту примитивную обстановку, Фрикэ вздумал перейти длинный узкий коридор, чтобы посмотреть террасу. Миновать эти решетчатые отверстия, под которыми шумело и клочотало море, оказалось делом нелегким. Парижанин, однако, не задумался, он видел многое и почище этого. Ловко перепрыгивая с перекадины на перекадину, он достиг наконец выступа и остановился, пораженный величественным видом. Пьер смело следовал за ним; подобная гимнастика была для него делом привычным, недаром же он с малолетства находился на корабле. Виктор, несмотря на сильное желание не отстать от товарищей, не мог сдвинуться с перекадины, на которой стоял. Сильное головокружение приковало его к месту. Для него разостлали рогожи, по которым он, шатаясь, двинулся вперед, сопровождая-

мый свистками и насмешками четырех– и пятилетних мальчишек-дикарей, перепрыгивавших с перекладины на перекладину с проворством обезьян. Маленькие свинки с розовыми мордочками бежали за ними по перекладинам так же быстро, как по ровной земле.

Узнак догнал двоих французов и, указывая им жестом на воздушный дом, казалось, говорил:

– Будьте, как дома.

Глава X

Суеверия папуасов. – Малейшее отверстие в крыше влечет за собой величайшие бедствия. – Змеи, откармливаемые для употребления в пищу. – Условия рабства в Новой Гвинее. – Гирлянды из человеческих черепов и ловкие отсекатели голов. – Птички солнца. – Приготовление к охоте за райскими птичками. – Легенда о райских птичках. – Танцующее собрание. – Избиение. – «Крупный изумруд». – Царские райские птички. – Цвета, ослепительные, но вполне гармоничные. – Философские рассуждения Фрикэ относительно парижанок и англичан. – Пир у римского императора.

Фрикэ и его друг, считая совершенно невозможным дальнейшее пребывание в комнате, чуть не герметически закупоренной со всех сторон, которую предоставил в их распоряжение Узинак, решили перебраться на террасу. Там им, людям, привыкшим дышать чистым воздухом, нечего было опасаться зловонных испарений воздушного пандемониума. Но их попытка перебраться в новое жилище не обошлась без скандала.

Войдя в узкую комнатку, Фрикэ очутился в полной темноте. Свет и воздух были необходимы. Но его просьба должна была пройти через Виктора, переводчика довольно медлительного и бестолкового. Поэтому Фрикэ сделал то, что сделал бы любой другой на его месте, то есть без рассуждений принялся за разборку крыши.

Это подняло целую бурю. Все обитатели дома, мужчины, дети и толстопузые ребята, столпились у его конурки и принялись галдеть на все лады, включая маленьких свинок, презрительно отворачивавших свои розовые мордочки и яростно помахивавших хвостиками в знак своего негодования.

– Что их так раззадорило? Как будто я совершил тяжкое преступление! Здесь можно задохнуться. Поймите же, я не хочу украсть у вас вашу клетку. Ну-ка, Виктор, разужнай, не совершил ли я какого-нибудь святотатства.

Дикари оказались, пожалуй, и не совсем неправы в шумном выражении своего недовольства. Молодой человек узнал, что даже через самое маленькое отверстие, пробитое в крыше, немедленно появятся души усопших предков, которые принесут с собой различное колдовство, и горенка неминуемо превратится в источник зол и бедствий.

– Ну, так и надо было сказать с самого начала. Кой черт мог предположить, что их предки, вместо того, чтобы оказывать благодеяния потомкам, сделаются ни с того, ни с сего самими их злейшими врагами и всеми силами будут стараться насолить им? Во всяком случае, если их предки настолько злы, то не очень же они сильны, ведь в отверстиях здесь, кажется, нет недостатка. По мнению дикарей, излюбленное место пребывания душ усопших предков, должно быть, крыша. Отнесемся же с уважением к верованиям наших хозяев и поскорее переменим помещение. Э!.. Э!.. Это еще что такое? – вскричал Фрикэ изменившимся голосом.

Сделав шаг назад, он нечаянно наступил на что-то мягкое и упругое, двигавшееся по полу, покрытому корой. Одновременно в темной горенке распространился приторный запах мускуса и явственно послышался легкий шорох, заслышав который, со всех сторон сбежались свинки и выстроились перед дверью полукругом, вытягивая розовые рыльца и оглашая воздух хрюканьем.

– Уж не наступил ли я на какого-нибудь из предков? – спросил молодой человек, окруженный тремя или четырьмя великолепными змеями по три метра длиной, страшно толстыми и отливающими самыми яркими красками.

– Как тебе это нравится? – проговорил Пьер де Галь. – Наши друзья-папуасы приготовили нам странных товарищей на ночь.

– Змеи! Ах, черт возьми! Пожалуйста, не шути, это единственное животное, которого я не переношу. Они внушают мне не страх, а какое-то невероятное отвращение, пересилить которое я не в состоянии.

– Странно, но свинки совсем не кажутся испуганными. Наоборот, змеи собираются убраться назад. Вот так смельчаки! Смотри, свиньи намерены сожрать их.

Но не так отнесся Узнак к нашествию свинок. Проворно схватив длинное копьё и потребовав его вместо хлыста, он метко щелкнул им по свинкам и разогнал крикливый батальон. Пока свинки, боязливо и в то же время ластясь, как балованные собачонки, прятались на руках женщин и детей, начальник дикарей загнал в горенку красивых пресмыкающихся и шумно захлопнул за ними дверь.

– А то, чего доброго, они их съедят, – сказал он по-малайски, – но змеи еще не достаточно жирны.

– Кто? Змеи?

– Конечно. Мы откармливаем их для себя. Они живут на свободе и совсем не ядовиты.

– Допустим, что так, мой достойный папуас. Но мой друг и я совершенно не расположены к животным такого сорта.

Хотя Фрикэ не имел, к сожалению, времени изучить ту часть зоологии, которая рассказывает о породах змей, он ничуть не испугался при виде этих змей, самых красивых из всех пресмыкающихся – если только змея может быть красива – и самых безвредных. Он сразу распознал змею породы, которая водится исключительно в Папуазии и является как бы связующим звеном между пресмыкающимися Старого и Нового Света, так как по строению тела и по своим привычкам эти змеи существенно отличаются от пифона Африки и ужей Америки.

Чешуйки, окаймляющие рот змеи, изборозждены четырехугольными ямочками, что придает ей чрезвычайно противный вид, несмотря на необыкновенно красивую кожу. В длину она от двух до трех метров. В молодом возрасте змея красно-кирпичного цвета, испещренная иероглифами; позднее становится ярко-оранжевой и иероглифы исчезают; затем она переходит в темно-зеленый с мелкими крапинками и, наконец, становится великолепного голубовато-стального цвета.

Но какой бы она ни была, – ядовитой или не ядовитой, красивой или отвратительной, – Фрикэ не переносил змей.

С двумя товарищами он переселился на открытую часть воздушного дома, где они провели три дня в ожидании обещанного Узнаком веселого праздника, после которого друзья снова собирались пуститься в путь-дорогу на своем хрупком челноке.

Прежде чем принять участие в празднике, подробности которого великий вождь хранил в секрете, наш герой мог заняться изучением папуасов, этого любопытного племени дикарей, о котором в Европе почти не имеется точных сведений. Внешним обликом папуасы почти не отличаются от туземцев острова Вудларка: тот же черный, как сажа, цвет кожи, те же украшения, те же черты лица, но прическа... прическа совсем иная. Перед вами целые копны из волос, сложенных и перепутанных так, что одного взгляда достаточно, чтобы привести самого смелого из художников в неопишное изумление и полнейшее отчаяние. Прическа эта делается с помощью головни, продетой в густую шапку косматых волос. Или еще оригинальнейшая прическа, какую только можно встретить: вообразите целую копну волос, разделенную на десять, пятнадцать, а то и двадцать клубков, туго перевязанных у корней крепкой бечевкой и приподнятых вверх на тонкой прямой подножке. Вот и третья, не менее любопытная: громадный шиньон, тоже туго перетянутый у корней и развертывающийся в огромный гриб, с крепко всаженным в него папуасским гребнем с тремя или четырьмя зубцами, скорее похожим на вилку, чем на что-либо другое.

Занимаясь изучением дикарей, Фрикэ припомнил, между прочим, и разговор о невольниках, который произошел в первую встречу с папуасами, когда последние намеревались по своему разделаться с каронами-людоедами.

Невольников насчитывается в Новой Гвинее очень много, и в клетке Узинака их было немалое количество. Но парижанин ни разу не смог сам распознать их, так мало их жизнь отличалась от жизни хозяев. Одинаково наряжаясь, одинаково питаясь, они происходят от одной и той же расы, а потому интересы у них общие, за которые они борются сообща и с равным усердием. Большая часть из них – дети, найденные на поле сражения или захваченные в плен после битвы. Они вырастают на глазах начальников, став взрослыми, откупаются на волю и становятся равными своим прежним хозяевам.

Впрочем, улучшением своего положения невольники всецело обязаны голландцам. При прежнем владычестве малайских султанов туземцы Новой Гвинеи, так же как и туземцы африканской Гвинеи, подвергались частым набегам. Корабли малайцев зачастую приставали к их берегам, и папуасы платили им контрибуцию пленниками, захваченными во время бесконечных войн с соседями. Такой порядок теперь уничтожен, и торговля живым товаром строго запрещена как в Новой Гвинее, так и в африканской.

Торжественный день наконец настал. Пока Пьер, Фрикэ и Виктор спали на рогожах крепким сном, жители воздушного пандемониума с Узинаком во главе сошли на землю, сохраняя полное безмолвие. Они вскоре возвратились назад, оглашая воздух бешеными криками и торжественно волоча за собой огромные мешки, наполненные таинственными предметами.

Мешки втащили на сваи, гам и шум невероятно усилились. Затем Узинак и два почетных лица осторожно приступили к вскрытию мешков.

При виде их содержимого на лице Фрикэ невольно отразилось полное отвращение. Они оказались наполненными человеческими черепами, высохшими, глянцевыми и нанизанными по шесть штук на стебли индийского тростника.

– Вот так сюрприз, – шепнул он Пьеру, отворачивавшемуся от мешков с таким же отвращением.

– Если это приготовление к празднику, каким же будет, в таком случае, сам праздник?

– Черт побери! Если только они намерены заставить нас присутствовать при их угощениях человеческим мясом, я не хочу видеть этого гнусного пиршества! Будь что будет, но я исчезаю!

– Вот так общество! Змеи, откормленные на убой, дикари-каннибалы и маленькие дети, готовые играть в шары из мертвых голов!

– Замечаешь, с каким восторгом и благоговением они относятся к этим костям? Право, можно подумать, что это религиозная церемония.

Мужчины мерным и важным тоном выкрикивали нараспев что-то вроде стихов, женщины и дети отвечали им, пронзительно взвизгивая, потом трое священнодействующих неистово потрясали мешками и кости глухо стучали, ударяясь друг о друга. Унылое пение тянулось так долго, что у виртуозов от усердия пересохло в горле, и они вынуждены были беспрестанно прикладываться к хмельному напитку, приготовленному из саговой пальмы, чрезвычайно вкусному и очень пьянящему.

Европейцы боялись, как бы этот заунывный пролог не повлек за собой чего-нибудь еще заунывнее. Но опасения их были напрасны. Колдовство наконец окончилось, стебли с нанизанными черепами были воткнуты в косяки, поддерживающие крышу террасы, где они раскачивались ветром, словно фонари.

– Теперь можно отправляться и на охоту, – вымолвил Узинак со своим обычным добродушием.

– А, так мы идем на охоту? А кого же мы будем преследовать, мой друг папуас?

– Птичек солнца, – ответил он радостно.

– Позвольте мне вам заметить, – возразил парижанин, указывая на груды костей с застывшей гримасой на мертвых устах, – что ваши приготовления к этой веселой забаве, по меньшей мере, странны.

На лице Узинака выразилось удивление.

– Разве белые не знают, что папуасы никогда не отправляются в путь, не обезопасив своих жилищ от вторжения негодяев? А чем же лучше обезопасить их, как ни выставив на показ черепа врагов, убитых в сражениях!

Фрикэ отрицательно покачал головой.

– А когда белые отправляются на охоту или идут на войну, кто оберегает их дома от вторжения злых людей? Кто защитит их семьи от негодяев?

– Наши способы ограждать наши дома и семьи от дурных случайностей гораздо менее сложны. Независимо от крепких запоров, в каждом городе есть джентльмены, одетые все в черное, которые зовутся городской стражей и которые без всякой церемонии арестуют всякого, кто покусится на чужую собственность.

Последняя фраза, переданная дикарю Виктором, произвела на него странное впечатление.

Папуас отчаянно замахал головой и отвечал, немного подумав:

– В Дорсее и Амбербаки я знавал много белых, относящихся к черепам далеко не с таким отвращением. Они покупали их и увозили в свои страны. Для чего они были им нужны, как не для острастки врагов?

«А, – подумал Фрикэ, – это, по всей вероятности, натуралисты опустошали их коллекции для научных целей».

Но что мог понимать в этом Узинак? Вряд ли ему было известно даже и название науки «антропология», а поэтому Фрикэ не считал нужным разубеждать дикаря.

– Ну, а хозяев черепов вы, конечно, съели?

– Нет, – отвечал храбрый вождь улыбаясь. – Мы не едим наших врагов. Мы воюем, и если победа остается за нами, уводим в рабство женщин и детей и отсекаем головы всем мужчинам. Один удар реза – и готово. В этом мы все чрезвычайно искусны. Тело бросаем в воду, а головы приносим домой. Правда, давно, очень давно, их варили и съедали. Так делают в моей стране и поныне, а мы прячем головы в муравейник. Никто не вычистит череп так, как муравей. Обглоданные черепа тщательно прячутся посредине леса в дуплах старых деревьев и в торжественных случаях, когда, например, жилище покидается на продолжительное время или при каких-нибудь других не менее важных случаях, они вносятся в дом. И никогда ни один из врагов, как бы смел и нахален он ни был, не дерзнет переступить порог жилища, охраняемого этими вражескими черепами, столь ужасными с виду. А теперь в путь-дорогу, отправимся охотиться за райскими птичками.

– А зачем они тебе?

– Через пять новолуний мы отправимся на север, в деревеньку, где живет много малайцев. Мы повезем с собой шкурки птичек. Малайцы охотно покупают их и перепродают белым. Они дадут нам за них сталь для копий, остро отточенных реза, риса и огненной воды, – сказал начальник, жадно облизываясь.

– Будь по-вашему, а нам лучшего и желать нечего. Охота немного развлечет нас, а затем двинемся в путь.

Фрикэ и не подозревал, что шкурки райских птичек являются предметом обширной торговли и что этот товар высоко ценится малайцами. Довольно сложная операция снятия кожи с прелестной птички, не испортив ее и не выдернув ни одного перышка, хорошо известна некоторым дикарям. Проворно сняв кожу, они сразу же пропитывают ее особым ароматическим составом, чтобы предохранить от гниения, затем тщательно просушивают и продают в большом количестве. Впрочем, этот вид ремесла был известен и в более отдаленные времена, ибо

когда первые путешественники подплыли к Моллукским островам, – странам по преимуществу мускатного ореха, гвоздики и других пряностей, продававшихся тогда на вес золота, – туземцы показали им, между прочим, и птички шкурки, покрытые такими чудными перьями, что белые, очарованные яркостью и нежностью их красок, забыли на миг о предстоящей богатой наживе.

Малайцы называли их «божьи птички». Португальские мореплаватели, мало знакомые с естественной историей, не замечая у них ни крыльев, ни лап, воображали, что у них на самом деле такое необыкновенное строение тела. За красоту перьев они называли их «passaros do sol» – птички солнца, а голландцы звали их «avis paradiseus» – райские птички.

Иоганн ван Линсготен в 1598 году, укрепляя за ними название, данное голландцами, выдумывает следующую легенду: «Эти замечательные по красоте перьев птички, – рассказывает он, – не имеют ни крыльев, ни лап, – в этом убеждают экземпляры, привозимые из Индии в Голландию. Это товар настолько нежный и драгоценный, что не может быть доставлен из-за дальности расстояния в Европу. Никто не может увидеть их живыми, потому что они обитают в воздухе, кружась постоянно около солнца, и опускаются на землю лишь для того, чтобы умереть».

Спустя сто с лишним лет после путешествия ван Линсготена, Фуннель, один из товарищей Дампье, увидел в Амбоине несколько экземпляров птичек, которые привели его в полный восторг. На расспросы ему отвечали, что птички эти, любящие мускатный орех, прилетают за ним чуть не на Бандские острова. Орехи действуют на них опьяняющим образом, и, отуманенные, они падают на землю и становятся добычей муравьев.

В 1760 году Линней, сам знаменитый Линней, стал жертвой той же мистификации, что и все другие мореплаватели. Знаменитый шведский ученый назвал райских птичек «paradisea aroda» – безногие райские птички. Впрочем, в то время в Европу не было доставлено ни одного экземпляра и, вдобавок, не имелось никаких сведений об образе жизни этих прелестных птичек.

Ни об одной, может быть, породе птиц не было сказано столько вздора, сколько о райской птичке. Так, например, одни ученые пресерьезно уверяли, что райская птичка, лишенная возможности садиться на землю или на деревья, держится в ветках с помощью имеющихся у нее длинных перистых усиков и что, кружась постоянно в воздухе, она спит, кладет яйца и высиживает птенчиков на лету. Другие, чтобы как-то объяснить такое необыкновенное явление, уверяли, что у самца посредине спины имеется углубление, в которое самка и кладет яйца, а затем высиживает их, благодаря имеющемуся и у нее в брюшке соответствующему углублению. Третьи, находя эту гипотезу довольно смелой, утверждали, что самка прячет яйца под крылья в середину самых густых перьев и так далее, – словом, догадкам и предположениям не было конца.

До настоящего времени исследования этого великолепного образца океанийской фауны продолжают оставаться далеко неполными и неточными, потому что и сейчас находятся естествоиспытатели, утверждающие, и вдобавок в печати, что птички эти ежедневно совершают перелет в Тернат, Бандские острова и Амбоину. Эту гипотезу, не имеющую ни малейшего основания, отвергают только два ученых: Руссель Валлас и Ахилл Раффрай, добросовестно изучившие на месте эту породу птиц. На вышеупомянутых островах, так же, как и в Европе, никогда не видели живых райских птичек, доказательством чему служит название «bougong mati» – мертвые птички, данное им туземцами.

Теперь парижанин, никогда не отказывавшийся поучиться, если есть чему, мог ознакомиться хоть немного с образом жизни красивейших из птиц.

Тридцать охотников были вооружены не так, как обычно: лук был гораздо меньше, стрелы заканчивались не костями и железом, а небольшим шариком, в большой палец толщи-

ной, для того, чтобы только ошеломить птичку, а ни в коем случае не ранить ее и не испортить ее нежных перышков.

Фрикэ и Пьер захватили с собой на всякий случай ружья, хотя у них не было дроб; да, впрочем, ни дробь, ни пули не достигли бы той высоты, на которой держатся райские птички. Охотники отправились в путь ночью и достигли девственного леса минут за двадцать до восхода солнца. Узнак предупредил европейцев о необходимости соблюдать строжайшую тишину, потому что дичь была из самых пугливых и чутких.

Черные охотники двигались медленно, идя друг за другом, бесшумно перескакивая через лианы, еще мокрые от росы, осторожно раздвигая траву и минуя корни, которые вились и переплетались, как гигантские пресмыкающиеся. Лишь только первый луч восходящего солнца позолотил верхушки могучих деревьев, среди величественной тишины, царившей над сладко дремлющим лесом, зазвенела дрожащая нотка, прозвучавшая в воздухе радостно и с удалью. Птичка солнца славилась появлением светила, имя которого она носила.

Охотники остановились, спрятались в кусты, присели на корточки, удерживая дыхание и держа наготове стрелы. Начальник указал пальцем на верхушки деревьев, по которым прыгали прелестные птички, наряженные в яркие, роскошные цвета.

На крик самцов, звонко пронесшийся в воздухе, ответил издали более нежный голос самки. Затем со всех сторон полились звонкие песни самцов. Узнак потирал себе руки и беззвучно шептал:

– Охота будет на редкость. «Bourong» (так называют папуасы райских птиц) намерена начать танец.

– Что такое? – спросил Фрикэ.

– «Bourong» примутся сейчас плясать.

– Плясать?

– Гляди, не своди глаз и молчи.

Начальник говорил правду. На высоте восемьдесят футов над землей, на длинных и толстых ветвях, расположенных горизонтально и покрытых богатой бархатной зеленью, суетились, перепрыгивали с ветки на ветку, дразнили друг друга, слетались и вдруг порывисто рассыпались в разные стороны, окруженные золотым сиянием, сверкающим и переливающимся, как бриллиантовые пылинки, штук тридцать самцов. Соперничая друг с другом в грации и красоте, они тихонько шевелили волнистыми перышками, осторожно расправляли крылышки, чистили каждое перышко, встряхивались, нахваливались, приподнимая свой роскошный воротник, и кружились, и играли в воздухе, отливая в солнечных лучах всеми цветами радуги.

Время от времени пронизывая зеленый свод, прилетали попарно все новые и новые птички. «Sacoleli», или танцующее общество, было вскоре в полном сборе.

Восторженно, не отрывая глаз, смотрел Фрикэ на это восхитительное зрелище. Эта отдаленная страна, этот девственный лес, отвратительные каннибалы, окружающие его, и сам он, как бы заблудившийся здесь, в этой непроглядной лесной чаще, – все производило потрясающее впечатление. «Столько красоты рассыпано по пустыням!» – помимо воли проносилось в голове молодого человека. И тем не менее, эти дикость и безлюдность являются необходимым условием, ибо наступит день, заглянет сюда то, что мы называем цивилизацией, девственный лес рухнет, увлекая и давя при падении своих очаровательных обитателей, оценить которых по достоинству только и могут люди цивилизованные.

Что-то просвистело в воздухе и вывело Фрикэ из его мечтаний. За свистом послышался легкий, приглушенный шум. Райская птичка, пораженная меткой стрелой охотника, стремглав летела на землю, кружась и переворачиваясь в воздухе, а перышки ее играли разными цветами. Странная вещь: ее друзья, купаясь в золотых лучах солнца, кокетничая друг перед другом изяществом и красотой перьев, не обращали никакого внимания на то, что происходило в лесной чаще, куда еще не успело проникнуть солнышко.

Это самозабвение и было причиной их гибели, потому что насколько райская птичка дика и пуглива, когда слышит в лесу голос или шаги человека, настолько же она становится доверчивой и даже неосторожной, когда, отыскав удобное место для своих забав, предается «sacoleli». Первая жертва упала к ногам парижанина, который смог рассмотреть ее со всех сторон, не двигаясь с места. Убитая птичка была из породы так называемых «крупных изумрудов». Размером почти с голубя, птичка была цвета жженого кофе, голова и шея бледно-оранжевые, горло изумрудное. Под крыльями у нее находятся два длинных густых пучка шелковых перьев орехового цвета, окаймленных ярко-красной или ярко-оранжевой узенькой полоской. Эти пучки перьев, когда птичка спокойна, почти незаметны и лежат под крыльями, но когда она приходит в возбужденное состояние, крылья поднимаются вертикально, головка вытягивается вперед, два перистые пучка раскрываются в виде вееров, окаймленных золотом и пурпуром, постепенно меняющимися и у основания переходящими в темно-палевый. Птичка почти совсем исчезает под этим роскошным нарядом. Тело ее как будто суживается, а золотое сияние перистых пучков, резко оттененных оранжевым тоном головки, играет неподражаемыми цветами.

Охота продолжалась, к великому огорчению Фрикэ и Пьера, в душе проклинавших жестокость малайцев и глупое кокетство дам, которые, из-за пустого каприза отнимают у леса его наилучшее украшение. Охотники щадили самок как потому, что перья их не так красивы, как перья самцов, так и потому, что птичий турнир устраивался исключительно в их честь. Они служили приманкой и неимоверно облегчали охоту, ибо, лишь только падал один самец, на зов самки тотчас являлся другой, потом третий и так далее.

Из восемнадцати разновидностей известных ныне райских птичек, из которых однадцать принадлежат исключительно Папуазии, по крайней мере три были перебиты охотниками, выбиравшими, конечно, самых красивых и наиболее редких.

Не прошло и часа, а уже пятьдесят трупиков устилали почву, точно сорванные со стебельков цветы. Кроме «крупного изумруда», парижанин рассмотрел и восхитительную птичку, названную Бюффоном «великолепная»; это «paradisea regia» Линнея, ныне известная под названием «*dephylloides magnificus*». Величиной почти с черного дрозда, птичка кажется в два раза толще благодаря приподнятым вверх перышкам, выглядывающим у нее из-под крылышков. Чтобы разукрасить эту маленькую птичку, природа пожертвовала, кажется, все сокровища из своей шкатулки. Как описать это крошечное тельце, глазурованное яркой киноварью, сверкающее золотым блеском, постепенно переходящим на мелких перышках, окружающих шейку и головку, в ярко-оранжевый? Нежное, белое, атласное, как лепесток лилии, брюшко отделено от ярко-красного горлышка полоской изумрудного цвета. Глаза светятся из-под светло-зеленых бровей, сходящихся вместе у золотисто-желтого клюва, тонкого, длинного и элегантного, как носик колибри. Обилия перьев и ярко-голубых лапок было бы достаточно, чтобы сделать из этой игрушки чудо из чудес. Но океанийской природе этого показалось слишком мало, и она наделила ее еще двумя украшениями, единственными в своем роде. По бокам груди находятся два маленьких грудных мешка из перышков орехового цвета, пяти сантиметров шириной, окаймленных темно-зеленой полоской, которые могут быть по желанию превращены птичкой в два изумрудных веера. К этой оригинальной и роскошной накладке, не имеющей себе равного, надо прибавить еще два совершенно правильных, не очень длинных хвостовых пера, тонких и разьединенных, как металлическая проволока, скрещивающихся у основания и развертывающихся в замысловатый орнамент. Внутренняя поверхность этих перьев, выложенная мягким пушком, переливается на солнце драгоценными камнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.